

СМУТА
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
ВАНИ ЧМОТАНОВА

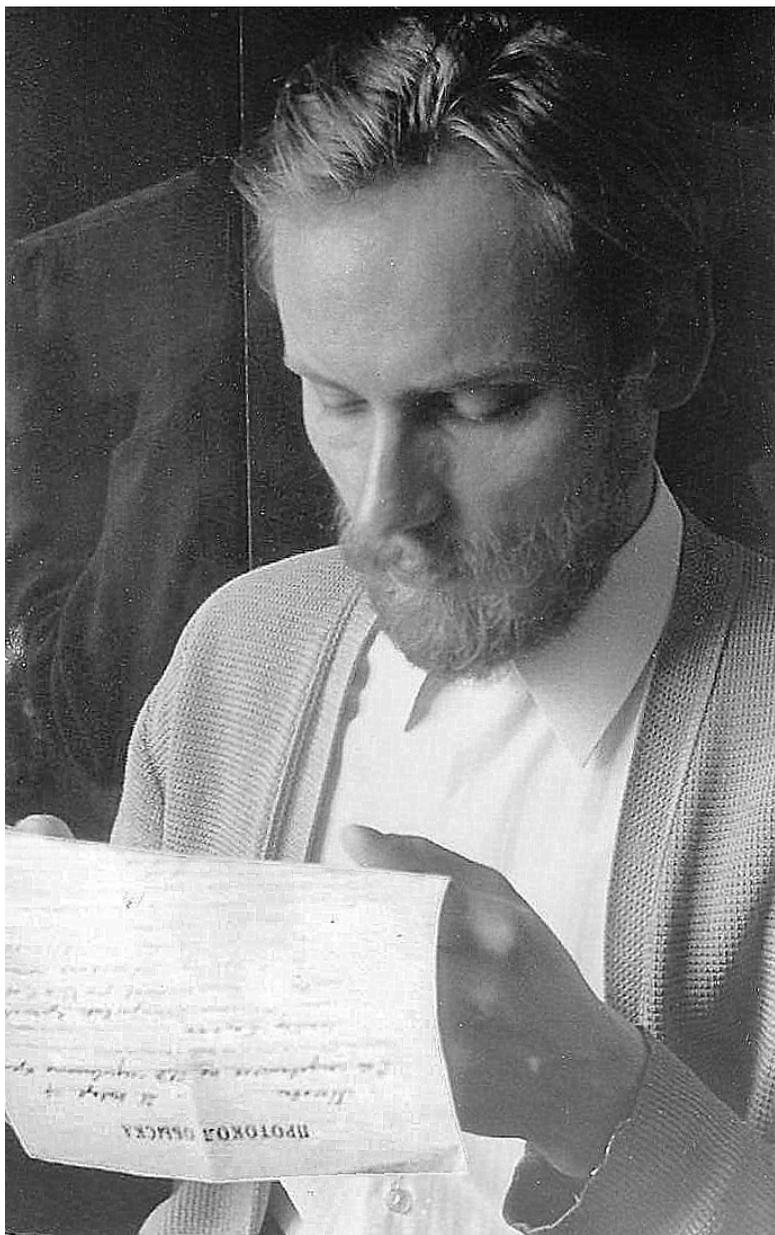

НИКОЛАЙ БОКОВ
БОРИС ПЕТРОВ

СМУТА
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или
*Удивительные похождения
Вани Чмотанова*

Рисунок Юрия Диденко

Николай Боков
с протоколом обыска. Москва. 1974

НИКОЛАЙ БОКОВ
БОРИС ПЕТРОВ

СМУТА
НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
ИЛИ
Удивительные похождения
Вани Чмотанова

Franc-Tireur
USA

The Disturbances of our Time
By Nicolas Bokov
With the participation of Boris Petrov

Copyright © 1970, 2012 by Nicolas Bokov

Cover design
by N. Bokov and S. Iourienen

Afterword, annotations © 2012
by Pavel Matveev

All rights reserved.

ISBN 978-1-105-69997-9

Printed in the United States of America

Nicolas Bokov studied philosophy and social sciences at Moscow University from 1962 to 1972. He soon became implicated in *samizdat* dissident activity. Many texts written by him were published abroad anonymously or under pseudonyms. Among them was the satirical novel, *Troubles of Recent Times or the amazing Adventures of Vanya Chmotanov* (first published in *Survey* in 1971), written in strict secrecy together with a friend, Boris Petrov, who died in Moscow in 2003. The novel appeared in the West anonymously and was translated into many languages. Forced to emigrate in 1975, Bokov revealed his authorship in 1978 but had to remain silent about Petrov's participation until 1999. The present edition contains the revised Russian text and Bokov's afterward, a scholarly commentary and an article by Pavel Matveev (St Petersburg). Bokov now lives in Paris and has continued writing. He has a blog <http://nicbokov.blogspot.com>

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЙ БОКОВ. ТРИДЦАТЬ... А ТЕПЕРЬ И СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ	7
НИКОЛАЙ БОКОВ, БОРИС ПЕТРОВ, СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ, или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА	27
ИЗДАНИЯ «СМУТЫ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ»	79
ПАВЕЛ МАТВЕЕВ. БЕСТСЕЛЛЕР САМИЗДАТА № 2, ИЛИ САМАЯ ДОЛГОИГРАЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ XX ВЕКА	81
ПРИМЕЧАНИЯ	89

Николай Боков

Тридцать... а теперь и сорок лет спустя

Заниматься самиздатом в Париже спокойнее и удобнее, чем в Москве 1970-х. Но зато и резонанс тогда был другой. Точнее, тогда-то и бывал резонанс, о котором мечтает западный писатель, когда говорит об «удовольствии писать и о счастье быть прочитанным». Применительно к Самиздату, эту формулу можно дополнить «радостью и риском быть перепечатанным читателями».

На Западе — как, вероятно, ныне и в России — читают немногочисленные профессионалы и пересказывают остальным (в этом, в сущности, основная роль критики). Так о книге узнает «широкий» читатель. Восприятие читателя-профессионала особенное. Оно бывает насыщенным или притупленным до такой степени, что только нечто острое, жуткое и из ряда вон достигает утомленного интеллекта. О таком и пишется. Так читатель и воспитывается и деформируется. Об этом я не буду теперь говорить подробно.

Писание в годы Самиздата было другим. Мало сказать — удовольствие. Восторг, экстаз, уверенность, что одной книгой можно перевернуть всё — и даже советский режим.

Это был еще поиск. Ибо предполагалось — по юношеской интуиции разрушения, — что советский режим имеет свою —

неужто ахиллесову? — пяту. Такой, утверждают газеты, современный, такой атомный режим — имел, однако, слабое место. Родившись, он утвердился насилием и пророс в головы с помощью мифа о сверх одаренном мальчике из простой семьи Ульяновых, который после долгих лет учебы и борьбы основал великое государство и покоится ныне в гробнице, позаимствованной у царя Мавзола.

Сохранение остатков основателя, останков, мощей продолжило, несомненно, православный — и вообще многих религий — обычай. В двадцатые годы он казался естественным, — коммунисты узурпировали и сферу сакрального. Водрузить мощи «своего», похоронить его с таким расчетом, чтобы в могилу могли спускаться люди для почитания, вдохновения и «осознания». Для наполнения египетской формулы «вечно живой» хотя бы частично реальным содержанием.

Вот где слабое место! Его уже обнаружили и эксплуатировали «политические» анекдоты. Вот где — и не пята, а лоб: Голиафа. Приближалась редкая дата, неповторимая, какую нельзя пропустить: столетие со дня рождения вождя, по-немецки — фюрера (впрочем, в отличие от немцев, у нас они сменялись чередой бесконечной).

Наша подрывная работа заняла три недели. Ныне мне жаль, что мы так спешили: текст грешит конспективностью, слишком большой скоростью письма (и чтения). Но идея сложилась незадолго до юбилея, во время посещения мавзолея со знакомым ребенком, приехавшим из провинции и желавшим непременно увидеть диковинку; то была Наденька, дочка Сони Губайдулиной и Марка Ляндю [умершая скоропостижно в 2004 году в Москве].

НИКОЛАЙ БОКОВ,
БОРИС ПЕТРОВ

Борис Петров (1936-2003)

**Подпольный сатирик
на редакционной «летучке».
Архив Натальи Петровой**

Мы торопились с нашим «подарком Самиздата». Тон задавала сама действительность: продавалась колбаса, дававшая цифру 100 из жира, когда ее резали кружочками, появились сервизы и носки с видами ленинских мест. Официальная пресса осуждала подобное снижение священной темы. А народная душа похихатывала: анекдот оповещал о новой кровати для молодоженов, трехместной: «Ленин всегда с нами».

Нужно было написать, сделать несколько копий и микрофильмов для запуска в невидимую и не исчисленную сеть подпольного распространения. И это наряду с текущей работой и бедствиями: экзамены в аспирантуру философского факультета, болезнь матери. И еще... и еще... Двойная жизнь, ничего не поделаешь! (Никто не думал, что это бывает вредно для души; было — забавно.)

Задыхаясь от хохота, мы с Борисом Петровым развивали сюжет устно, а затем торопились записать. Впрочем, Боря вечно опаздывал: в «многотиражной» (а какие же были другие?) газете «Знамя строителя» он разоблачал неполадки в строительстве, им конца не было, и его все время куда-нибудь посылали. И теперь еще эхо того хохота я слышу (и мне делается немного не по себе: «желтый смех», — говорят французы), перечитывая книжку: ее на днях прислал Юрий Лехтгольц (Лехт) из Лос-Анджелеса, мой киевский поделщик. У него, распространителя журнала «Ковчег» в начале 80-х, сохранилось несколько экземпляров парижского анонимного издания.

На память приходят и другие драгоценные имена тех сказочных лет Самиздата. Вячеслав Великанов, Сергей Генкин, историк Валерий Щербаков, Оля Ступакова, Шершнев Юрий и Таня, Вика

Аксельрод, Поликарпов... не забыть бы кого... Петя Старчик, два Василия Ивановича — Лахов и Баев. Кира Дюльдина. Леонтьевы: Анатолий (в «Гранях» и в альманахе «N» он подписывал стихи: Мерцалов), Оксана и Дима Леонтьев, подпольный писатель. Владимир Галкин, он же Кирилл Сарнов в первом номере «Ковчега». Инженер Никифоров, Будюкин Витя. А веселый Батшев, теоретик СМОГа, и Алейников Володя? Мой собственный сын Максим, перенесший свой первый обыск в трехмесячном возрасте? Незадолго до эмиграции я встретил Андрея Твердохлебова и Сахарова.

Господь меня не обидел: столько людей послал мне навстречу, которых полюбил.

По-видимому, и сегодня в «Чмотанове» многое смешно, хотя ничто так не стареет, как юмор и сатира (и это особая совсем неисследованная тема: старение произведения). Мне даже несколько не по себе от тогдашней дерзости, беззаветной, юношеской, еще не укрощенной страшными ударами судьбы и Провидения. Кое-что в тексте сделалось непонятным постсоветскому российскому читателю и тем более заграничному, тем более, когда бледнеют и исчезают штампы коммунистической мифологии.

Конечно, мы понимали, что автора будут искать. Не пустить ли собак по ложному следу? Обязательно, причем забавляясь и тут. Было сочинено Послесловие, в котором автор называл свое имя: Всеволод Кочетов. Тот самый, знаменитый, любимый романист цк кпсс, мишень для пародий и насмешек, актуальный в те годы донельзя. Спустя время до нас дошли слухи, что Кочетова вызывали в... кагебе (конечно, не вызывали, а — пригласили).

«Мы понимаем, конечно, что это не вы написали, — пересказывала молва полную драматизма встречу (о ней рассказал, как мне рассказали, племянник писателя), — но мы хотели бы знать, кто — по вашему мнению — мог бы иметь мстительные мотивы по отношению к вам. А?» — Встреча произвела сильное впечатление на почти заподозренного партклассика: он лег в больницу с инфарктом. Послесловие оказалось отчасти пророческим.

За границей «Чмотанов» по-русски появился сначала в «Русской Мысли» (Париж) 26 ноября 1970 г. И тогда же вышел отдельной книжкой (обложка воспроизводится в настоящем издании). «Флегон-Пресс» (Лондон), имевший сомнительную репутацию («Да я просто коммерсант!» — оправдываясь, говорил его владелец одному эмигранту, тоже коммерсанту), напечатал повесть в том же году, однако без «Послесловия Кочетова». Впрочем, и «Посев» (Франкфурт) в своем микроиздании его опустил.

По-французски повесть впервые вышла маленькой книжечкой два года спустя в приложении к «Кензен литерер». Этот литературный двухнедельник издавал Морис Надо, историк сюрреализма. Осенью 1975 г. он рассказывал мне в Париже, как благополучно вывез микрофильм повести в кармане, получив его от кого-то в Москве в лифте гостиницы. Обстоятельства сложились так, что этот прижимистый деловой человек издал и мою повесть «Никто», когда он руководил серией новинок в «Деноэле». (Она появилась в «Гранях» № 82, 1971, литературном журнале НТС, тоже не слишком щедрого в отношении живых эмигрантских авторов. Но это отдельная — и малоизученная тема: как и сколько зарабатывает книжная индустрия на желании

писать, печататься и читать, иногда с риском для жизни и свободы).

Впрочем, ни один человек не может собрать всех положительных или отрицательных свойств. Этот открыт новому, но гангстер с авторами, другой ленив, но отзывчив. Третий чувствителен, однако боязлив. (Уж не о себе ли говорю?..) Году в 76-м я попросил одного американского слависта, ехавшего в Москву на стаж, отвезти экземпляры знакомому диссиденту. Американец прочитал, ужаснулся и отказался, сказав общему знакомому: «Просить везти такую книгу в Союз может только сумасшедший или провокатор». Почему такой скудный выбор? Он, правда, не знал, что его просит автор.

Моей писательской дерзости способствовала книжка Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» В 1970 году такой вопрос казался самоубийственно смелым. Дата, как известно, послужила названием роману Орвелла. Мы прочитали его с жадностью (как и Замятина, и Хаксли). Любопытно, что Орвеллом интересовались и аппаратчики. Еще в 60-х в Москве вышла его подробная переводная биография с пометкой «для служебного пользования». Позднее, уже исключенный из университета, я имел удовольствие размножать эту книгу благодаря незабвенному Симону Бернштейну, литератору и диссиденту (и исполнителю эпизодической роли в «Солярисе» Тарковского), исключенному из членов КПСС за членство в Инициативной Группе по защите Прав Человека.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

PAVILLONS

Robert Laffont

Nicolas
Bokov

LA TÊTE
DE LENINE

ROMAN TRADUIT DU RUSSE
par CLAUDE LIGNY

PRÉFACE D'ALEXANDRE ZINOVIEV

Французкое издание 1982 года
с предисловием Александра Зиновьева

В эмиграции название книги Амальрика способствовало скорее пессимизму. «Вот и Амальрика не стало, а советская власть все существует», — вымолвил Оскар Рабин. 80-е годы казались остановившимся временем. Но к истине был все-таки ближе погибший оптимист Амальрик, а не мы, еще жившие на свете.

Вероятно, негативность и горечь — национальная черта россиян испокон веку. После 70 лет правления гигантов человеческой низости она только усилилась. В ответ на жизнерадостное название Амальрика я написал «Обзор прессы за 1984 год» совсем в духе Орвелла. Весь мир был представлен охваченным коммунизмом и его новоречью. «Посев» во Франкфурте с удовольствием напечатал памфлет. «Изменив некоторые имена западных деятелей, чтобы не дать повода к обвинению в диффамации», — понизив голос, объяснял мне Лев Рар в 75-м. Крайне правая «Минют» повторила (со своей адаптацией) памфлет по-французски (и сейчас я пишу и думаю, нужно ли об этом говорить, не скомпрометирует ли меня такая публикация при нынешней конъюнктуре политики... трусливость уставшего — иными словами, осторожность — хочет войти и в меня...) Он был подписан, кстати, «Попугаев» (попугай, попугать...)

Насмешка над зевсом партмифологии освобождала. Все тот же прием и метод раздвигания границ дозволенного (на пользу или во вред): уж если кто-то отважился на такое, то я-то могу не пойти на субботник! Ну, если все-таки боюсь не пойти, то смело выслушаю политический анекдот.

Интересно было бы узнать, насколько власти приблизились к решению загадки авторства «Чмотанова». Принятый в

аспирантуру на кафедру эстетики, — ею заведовал либерал Овсянников, он же и декан факультета, — я был оттуда исключен два года спустя либералом Овсянниковым, деканом и завкафедрой, в связи с письмом из «соответствующих (чему?) органов», как прошептали мне по секрету. Официально я был изгнан «за невыполнение учебного плана»: явно и не без цинизма меня провалили на экзамене по специальности, который организовали мне специально... (этот нечаянный повтор — не подсказка ли тени Миши Соковнина... не телепатическая ли телеграмма Севы Некрасова...) единственному из всех аспирантов, на общем собрании кафедры, и он длился два часа! Либералу О. было важно продемонстрировать подчиненным коллегам, что исключается и в самом деле научно не состоятельный кандидат в кандидаты наук.

Сам я думал, что исключен в связи с арестом Михеева: он пытался бежать за границу, воспользовавшись паспортом знакомого швейцарца. Оказалось, что комната Димы в общежитии университета на Ленинских горах (ныне снова Воробьевых; не переименовать ли теперь наконец и Ленина в Воробьева, чтобы покончить со всем этим?), — комната, оказалось, прослушивалась. Экая неприятность! Мне случалась там разговаривать на темы не только запретные, но и острые. Например, может ли послужить делу освобождения новейшая техника, — Дима был физик. Как известно, он получил восемь лет за свою романтическую попытку, отсидел шесть, и я имел удовольствие его встречать в городе Вена в 78-м.

Исключение я перенес болезненно. У меня сохранялся, несмотря на советские ужасы и явно гнилые части института, романтический образ Альмы Матер, сложившийся в отрочестве.

Герцен и Огарев, их клятва на Воробьевых (впоследствии Ленинских) горах, Сперанский, Печерин, Грановский... Алья М. предстала лживой и злой. Почти тотчас я уехал на Север, сначала к Игорю Мельнику (†1996), художнику и скульптору (и другу красавицы Ольги П.), в Кижы (где тогда же работала искусствовед и реставратор икон Г.Н. Попова), а потом вместе с ним в Кандалакшу, на Белое море, на остров к Валерию Кочину (†200-?), работавшему там инспектором рыбнадзора: он любил рискованные положения à la Достоевский.

И в Кандалакше произошла странная история: милиция задержала меня и обвинила в том, что я «мочился на памятник Ленину». Я и не знал, что там памятник! Ночь была февральская, безлунная, полярная, освещения никакого. Кто мог знать, что там памятник? Мы и не думали о нем, выйдя из единственного в городе «кафе», где приятно провели время в разговорах на вечные темы и за бутылкой не сказать «вина», но, несомненно, алкоголя. Если память мне не изменяет, этот крепкий напиток назывался «портвейн». В милиции мне пообещали два года «за злостное хулиганство». Поначалу я бодрился и насмехался, — мол, спешите найти мочу, скоро весна («Весь снег сниму с площади, а найду!» — яростно кричал страж порядка), но в камере ночью опечалился и стал думать, что меня «зацепили». Для начала дадут два года, в лагере продлят еще на три, и так далее, — техника дела дел была уже известна. Пропал! Однако наутро пришел Кочин и поговорил с начальником. И меня выпустили. Разумеется, оштрафовав. Спасительную сумму выкупа прислала из Москвы Губайдулина. О, это сладкое чувство свободы, ни с чем не сравнимое, пьянящее, райское!

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

Нет ли связи между сатирой и столь символическим обвинением, беспокоился я. Однако позднее во время допросов речь о «Чмотанове» не заходила.

В 1974 году имел место эпизод, меня встревоживший. После «бульдозерной выставки», к которой я имел касательство благодаря дружбе с Рабиным и Глезером, помогая иногда редактировать письма и заявления, написав тогда же и репортаж для Самиздата «Два дня в сентябре», имел место ночью телефонный звонок Рабину. Наглый голос (понятно, чей...) сказал: «Аллё, говорят из мавзолея: не хотите ли вые... Ленина?» Майя, прекрасная жена Глезера, прочитав «Чмотанова», не уставала повторять: «Я сразу сказала, что это Колька!» Я пожимал плечами, отнекивался, внутренне беспокоясь.

За границей Амальрик рассказал мне о загадочном эпизоде. При его аресте было захвачено много самиздата, в том числе и микрофильм с «Чмотановым», который Амальрик не успел прочитать. Он сказал об этом следователю, и тот, проконсультировавшись с кем-то, предложил: «Тогда, если вы не против, мы уничтожим эту единицу изъятия». И в деле она не фигурировала.

Секрет «Смуты новейшего времени» я открыл в первом номере «Ковчега», вышедшем осенью 1978 г. (см. приложение), разумеется, без упоминания имени Бориса Петрова, жившего в Москве. А в 1982-м она вышла в большом издательстве «Робер Лафон», полиграфически несколько раздутая, с предисловием Александра Зиновьева, преподавание которого на философском совпадало по времени с моим первым увлечением — математической логикой. Он же советовал мне превратить

маленький памфлет в толстую книгу, что, несомненно, увеличило бы ее коммерческий вес. Но это уже казалось невозможным и ненужным: семь лет, прожитых за границей, дали массу нового материала, советская власть подернулась дымкой дальности. Мои литературные интересы были в общем-то далеки от скучноватой обнаженности и сиюминутности политики; я выпустил книгу «Бестселлер» (по-обериутовски ироническое название) с подзаголовком «проза» — желая аннулировать жанровость, которая казалась мне паразитом в искусстве слова, где центральным номером были «Страды Омозолелова»; в них я видел начало «экспрессивного сюрреализма», адекватного выражения русского коммунизма в литературе, — коммунизма как мистического проявления русского гения. Они попались на обыске у Вылегжанина в Киеве, но мне не инкриминировались. «Чмотанов» был от «прозы» далек, хотя некоторые элементы его стиля — например, игра и даже жонглирование штампами, стертостями языка — мне интересны еще и ныне.

В те годы насмешка над коммунистическим мифом была смелостью и во Франции. Никто не хотел «осложнений» с термоядерным колоссом, как и в менее масштабные времена Мюнхена 1938, ни с его людьми в западных странах (кпф и прочая). В те годы «Правда» печатала к 7 ноября поздравление даже американского президента «в связи с национальным праздником». Никто не знал, когда все это кончится, и даже думали, что не слишком скоро. Чекисты чувствовали себя за границей вольготно. Но либералы могли поддерживать диссидентов, бывших советских граждан, делая из них орудие в своей политике: дескать, это говорят они сами.

«Голова Ленина», как стала называться книга по-французски (на мой взгляд, удачно, несмотря на ворчанье Петрова десять лет спустя), получив множество откликов в прессе, попала на телевидение в знаменитую тогда передачу Бернара Пиво «Апостроф». Название выпуска было несколько отнекивающимся: «Итак, вы ничего не уважаете?» («вы», приглашенные авторы; ну, а «мы», владельцы телевидения и получатели доходов, уважаем всех, в том числе советских палачей, мы умеем себя вести). Правда, мне было интересно превратить передачу в «перформанс» (манипуляции со шляпой, приветствие знакомых с экрана), но я чувствовал, что и мной манипулируют (Пиво вынудил меня на комплименты в адрес Ролана Топора, другого участника передачи и соседа на сцене, и автора обложки моего немецкого романа). Впрочем, в тот год моя жизнь была крайне нагружена событиями, описанными в «Обращении» (изд. Дятловы горы, Нижний Новгород); мои чувства и мысли были в Германии и Швейцарии, где романтический издатель Даниэль Кель («Диогенес» в Цюрихе) читал рукопись моего нового — вероятно, романа — «Чужеземец». Его выход (по-немецки, *Der Fremdling*, 1983) должен был сопровождаться поездкой по Германии, чтениями и публичным сожжением русского оригинала: прощай, прошлое.

Спустя тридцать лет после написания «Чмотанова», после всех событий, опять изменивших лицо планеты непредвиденно и радикально, — на них, раскрыв рты, смотрели маститые социологи и политологи, подобно менее заметным гражданам, совсем не «экспертам», — мне захотелось осуществить самиздатский парижский репринт. Все-таки в «Смуте» есть еще нечто свежее, стремительное, актуальное. Она к тому же и некоторый реликт.

Кроме того, мое материальное положение ныне — совестно признаться — весьма сложное, нестабильное. Не найдутся ли любители, которые захотят приобрести эту книжку — так сказать, лебединую песнь самиздатчика — за скромную цену и тем самым помочь стареющему писателю? Даже и от близких людей доносилось: «четверть века прожил за границей, и ничего не имеет!» Вы думаете, легко слышать такое? В сравнении с иными, купившими жилплощадь в разных мировых столицах? А мои потребности в тысячи — если не миллионы — раз скромнее: ну, покушать там два раза в день и крышу иметь над головой, особенно зимою. Эх, и на море бы съездить...

Хочу сказать напоследок о мавзолее и об остатках такого рода. Мне кажется, нужно создать музей тоталитарного прошлого. Однажды я эту мысль развивал («Смех после полуночи» Василия, «Грани» № 85, 1972), но тогда реализация казалось несбыточной. Теперь дело иное, но вот беда: статуи горе-вождей исчезают, накопленная за 70 лет эмблематика распыляется.

А между тем есть за полярным кругом Северная Земля. Тут буквально написано все советское прошлое: во-первых, это архипелаг, и состоит он из островов Октябрьской революции, Пионера, Комсомольца, Большевика. Не переместить ли туда мавзолей? По возможности, и другие постройки-символы коммунизма?

Место имеет все шансы стать жемчужиной международного туризма (разумеется, большого, авторитетного): экзотика географии и климата, труднодоступность (что ценится все больше), полярные ночи и дни, медведи, песцы и олени! А сравнительная близость якутских алмазов и шаманов? Самовары

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

самого высокого качества придется заказать в Германии. Не только Сорос, но и Березовский, Ельцин, даже сам Путин могли бы внести на это предприятие пару-другую народных миллиардов долларов или швейцарских франков, или, на худой конец, немецких евро. Музей-заповедник издавал бы свой научно-исследовательский вестник, лучшие произведения соцреализма всех стран мира, возродил бы институт Сталинской, Ленинской и других премий. Работы непочатый край.

Потребность в репринте «Смуты новейшего времени» назрела. В библиотеке парижского Центра Помпиду находился один русский экземпляр, а потом его не стало. Увы, по-видимому, украден, несмотря на систему электронного мечения книг. Для автора это немного лестно, но каково читателю, не имеющему доступа в университетские библиотеки? В конце концов, зачем рисковать своим добрым именем и похищать книгу, если ее можно недорого купить? В добрый час!

*

На этой мажорной ноте кончалось в 2001 году предисловие к (несостоявшемуся) репринту в Париже. А между тем здоровье Бориса Петрова в далекой Москве ухудшалось, его больные почки сдавали. 11 марта 2003 года он умер. Вадим Крейд опубликовал в «Новом Журнале» (Нью-Йорк, №233) подборку его стихов и некролог Л. Макаровой. Вот строки из него.

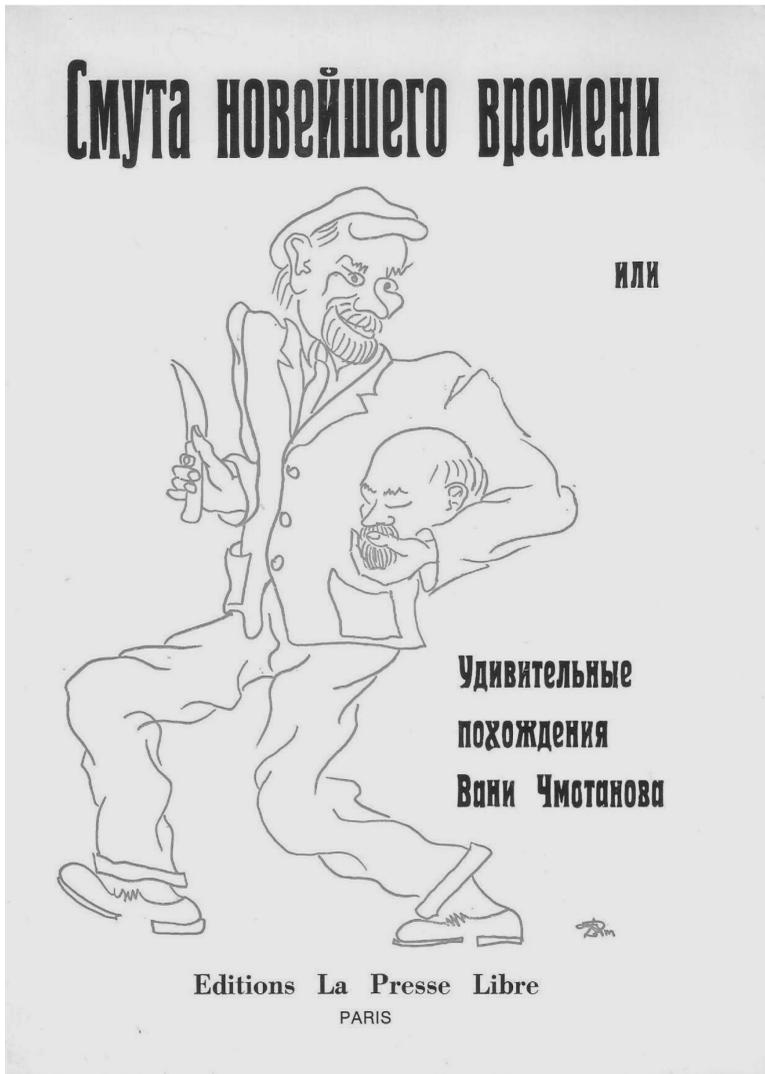
«Борис Петров был человеком кружковой культуры. Именно в обмене новыми идеями, запретными историческими фактами, в обсуждении настоящего и будущего России проявлялся

творческий дар его личности. Неистощимый собеседник, непримиримый идеалист, он всегда находил аудиторию, отдавая ей все, чем была наполнена его натура, в первую очередь свою богатую эрудицию. В его устном даре рассказчика открывалась фантастическая, абсурдная природа советского социума 60-80-х годов. Такое творческое расхождение — без стремления к «вещественной» реализации — чисто российская черта. Всю жизнь Б. Петров собирал труднодоступную периодику, книги о советской истории. Он хотел знать и понять правду исторического факта, всего, что тогда было тщательно скрывается, а теперь широко тиражируется. 90-е годы новой России были восприняты им с болью, иногда с ожесточением. В последние годы он просто выключился из этого мира, отделился от него».

Да примет его Господь в Свои кущи.

Париж 2001, 2012

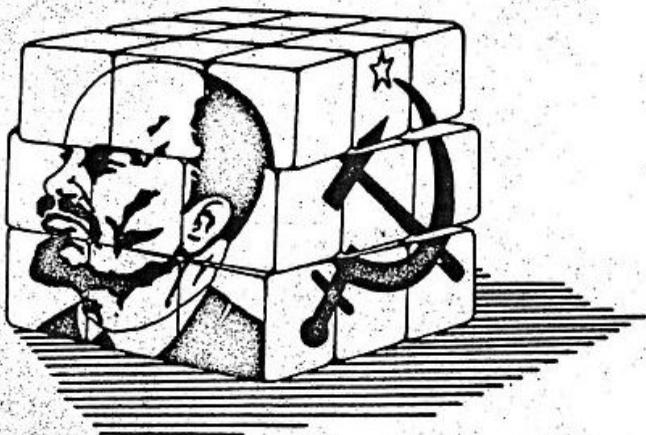
СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

Первое издание газеты «Русская Мысль» (Париж)

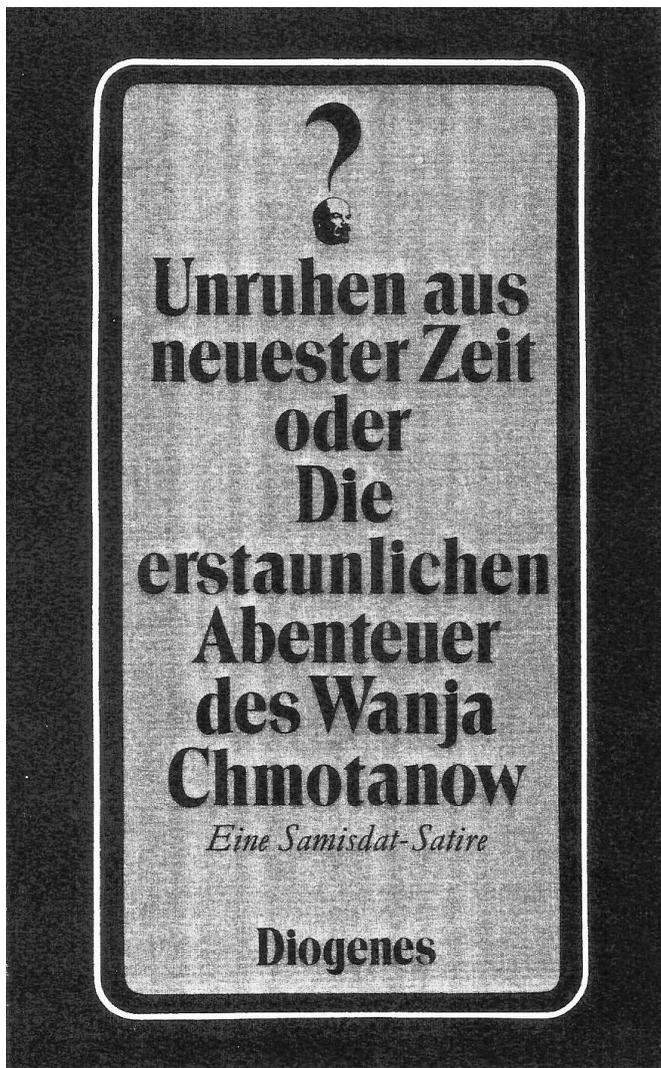
НИКОЛАЙ БОКОВ,
БОРИС ПЕТРОВ

**Smuta najnowszych czasów
czyli
Zadziwiające przypadki Wani Czmotanowa**

BIBLIOTEKA
ANTYKU

Подпольное польское издание
в переводе Ежи Любака

Первое немецкое издание (анонимное, 1972)

НИКОЛАЙ БОКОВ,
БОРИС ПЕТРОВ

Смута
новейшего времени,
или
Удивительные похождения
Вани Чмотанова

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

**Как думаешь, чем кончится тревога?
...Слышал ли ты когда,
Чтоб мертвые из гроба выходили
Допрашивать царей, царей законных,
Назначенных, избранных всенародно?..**

А. Пушкин
«Борис Годунов»

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

Почти неприметный пассажир ехал в пригородном поезде, установив в ногах кожаный чемоданчик на молнии, крепко сжимая его пятками. Это и был Ваня Чмотанов. Именно он — автор событий, потрясших весь цивилизованный мир в 197... году.

Поезд шел в город Голоколамск. Пассажиров было немного. Они привычно клевали носами, просыпались, зевали и оглядывали местность, засыпанную февральским снегом.

Многие вздрогнули, когда двери в вагон открылись и вошли контролеры, щелкая компостерами.

— Ваши билеты! — просипел один, толстый и добродушного вида, с обильными пшеничными усами. Второй был тощ, с туберкулезным лицом. Он гнал перед собой безбилетницу лет пятидесяти. Она крикливо доказывала, что не могла успеть взять билета. Тощий молча подталкивал ее в спину щипчиками.

Холодок прополз в животах пассажиров. Проверка каких-никаких, а все-таки документов, без которых нет человека.

Билета не было у Вани Чмотанова. Он на мгновение смутился, но вспомнил о множестве бумажников в карманах пальто, приготовился выслушать негодование общественности и отдать трешку штрафа. Вдруг Ваню осенила идея. Он расстегнул молнию чемоданчика и, глядя в голубые глаза толстяка-контролера, поманил его пальцем.

Железнодорожник надменно поджал губы. Ладно, он тоже человек и согласится получить рубль, однако отнюдь не теряя собственного достоинства, — и он нагнулся к Ване. Пассажир, почему-то усмехнувшись, откинул крышку. На толстом слое ваты, охваченная смертным сном, в чемодане лежала... голова. Само по себе это зрелище не для слабонервных. Но если бы только это. Черты лица головы были знакомы до боли. Бородка, острые скулы, огромный покаты́й лоб и обширная лысина. Ваня нагло рассмеялся.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

Контролер чмокнул губами и закачался. На миг лицо его посинело, как от удушья, щеки прыснули щетиной.

— Вот так билетик... — прошептал он и пробил себе компостером ноздрю. Шатаясь, толстяк пошел навстречу тощему, обнял за плечи и с нечеловеческой силой повлек из вагона. Тощий безучастно подчинился. Ваня застегнул чемодан, глянул в окно и отдался потоку воспоминаний. Казалось, прошло сто лет, а ведь еще утром...

В тревожной юности Иван Чмотанов учился в хлебопекарном техникуме. Занимался он старательно, засиживался ночами над толстым учебником истории партии. Учителя не могли им нахвалиться. Нечего и говорить, что стипендии не хватало; Ваня кое-как сводил концы с концами. Перед защитой диплома Ваня практиковался на Опытно-показательном хлебозаводе-полуавтомате им. Урицкого. Неожиданно он догадался, как можно улучшить положение с продовольствием. Каждый вечер привозили контейнеры с дрожжами в картонных коробках. Каждое утро Ваня выносил под платьем мягкое в лепешку нежное светло-коричневое вещество. Теплый запах дрожжей окружал Ваню, но отравленные самогоном вахтеры (они варили его по народной технологии, «на конус», тут же, в своей будке, переделав электропечь «Чудесница») не слышали духа выносимого продукта.

Однажды «Чудесница» сломалась. Вахтеры стояли трезвые и злые, и наивному обогащению Вани пришел конец.

— Что-то у тебя, как у бабы, раздуло! — сказал вахтер, ткнув Ваню в непомерный бюст. Вмятина от кулака так и осталась.

— Это мускульная масса! Я спортсмен! — холодея, успел прокричать студент, но с него сорвали уже пальто и потрошили разорванную рубашу. Выбрали дрожжей 74 килограмма 250 граммов и бублик. Бублик вызвал особое негодование суда и публики.

— Мало народных дрожжей подсудимому! — гремел прокурор. — Ему бублички подавай! Работать — его нет, а на сладкое тянет! — Обвинитель с возмущением тыкал пальцем в бублик, подшитый к делу в качестве вещественного доказательства.

Главным отягчающим обстоятельством было другое. Судей поразило то, что до неприличия походил Ваня на молодого Владимира Ульянова. Все видели татаро-монгольский разрез глаз, скулы, пушистые рыжие ресницы, — удивительный образ того, великого, который пошел другим путем так далеко. Этого сходства Чмотанову простить не могли, хотя никто не высказал вслух и намека; да никто себе и не сознался. Ваня получил десять лет.

В лагере Ваня прошел свои университеты.

На ноябрьские праздники с его помощью приготавливали живую картину: строили из смолистых досок подобие броневика, взамен рваного ватника Ване выдавали из реквизита культурно-воспитательной части старомодное пальто и кепи, и ставили на дощатую башню, приказав вытянуть руку в сторону полей и лесов за проволокой. Развевался кумач, прожектор с ближней вышки выхватывал вдохновенное лицо Вани-Ильича; администрация запевала любимые песни вождя.

Профессиональные воры добродушно, но тихо гоготали, подталкивая друг друга, а по окончании торжества обучали Ваню своим наукам. Искреннее восхищение соратников по бараку вызывали его пальцы: длинные, стройные, с выпуклыми миндалевидными ногтями.

— Хорошо работать будет, Ваня. С такими пальчиками пояс снять и одеть — не заметят. Не то, что бублик!

Чмотанов вышел через половину срока, но снова попался: зацепился ногой за паркет, вынуд бумажник у посла одной иностранной державы, когда тот любовался в Третьяковке драгоценной иконой.

Итак, февральским днем 197... года Ваня работал напротив Кремля, — стоит только перейти Красную площадь, — в густых очередях ГУМа. В знаменитом универмаге неожиданно выбросили импортные подтяжки, и собралась чудовищная толпа, захваченная единственной страстью: дойти до прилавка и купить свою пару небесного цвета с блестящими стальными зажимами. Ваня вынул тринадцать бумажников и решил устроить обеденный перерыв. Ел он долго, не торопясь, в ресторане на верхнем этаже гостиницы «Москва». Затем Ваня вышел пройтись и был привлечен огромной очередью, тянувшейся из Александровского сада. Чмотанов побродил, подыскивая клиента, но публика двигалась небогатая, лучше сказать, бедная. Он

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

продвинулся вперед по очереди и поработал с попавшимся прибалтом. И спохватился: слишком уж близко он пододвинулся к гранитному ступенчатому кубу, и выйти сейчас — значило привлечь к себе ненужное, да и опасное, внимание. Мысленно выругавшись, Ваня побрел со всеми.

— Подождемся к черте! — командовал старшина милиции. — Строго по два! Строго по два! — Ваня поежился. «Точно в санпропускник идем», — огорчился он.

— Правее подождемся!

Прямым углом очередь повернула к дверям мавзолея и сняла шапки. Граждане тихо вошли в полумрак, откашлялись и спускались вниз.

— Не отстаем! Не останавливаемся! Строго по два! — Негромко предупреждал офицер с голубой повязкой на рукаве. Пройдя два пролета, Ваня повернул направо и стал подниматься по лестнице. Розовый свет лился из стеклянного ящика, сверху громоздилась чугунная пирамидка, повторяющая очертаниями мавзолеей. Стекланные боковины украшали гербы и флаги литого чугуна. Внутри в красноватом светележал Он. Невольно замедляли шаги граждане, но офицеры молчаливо оттесняли подальше от гранитного барьера к стене, торопили проходить и делали знаки друг другу, поднимая два пальца.

...Он лежал в темно-оливковом френче, в той же позе и с тем же выражением брезгливой усталости, с каким его застала смерть.

— Скорее пройдем! — бормотала охрана.

«Человек двенадцать стерегут, не меньше», — подумал Ваня. Выходя наверх по лестнице, он заметил шторы и желтые латунные двери. Отделившись от потока посетителей, почти бегом поднимавшихся наверх, потрясенных не столько образом Его и пережитыми чувствами, сколько молниеносностью посещения, Ваня шагнул за шторку и встал там, никем не замеченный. Он еще не понял, зачем ему это понадобилось. На всякий случай проверил, заметят ли. Не заметили. Ваня быстро вышел и смешался со всеми.

Идя вдоль кремлевской стены вдоль второстепенных надгробий и голубых сибирских елей, Ваня медленно осознавал грандиозный, эпохальный план.

Под стеклом лежали миллионы.

Рокфеллер, в газетах пишут, коллекционирует мумии голов узников Бухенвальда, — размышлял Ваня. — И платит за них сотни тысяч валютой. Долларами. Купить домик с огородиком на Кавказе. Жениться на Маняше.

Сотни тысяч дают за голову безвестного каторжника, миллиарды отвалят за голову гени-ального зодчего! Миллиардов сорок дадут, а то и двести.

На другой день Ваня подходил к удивительному по простоте линий сооружению, но вместе с тем и величественному, за стальными дверями которого лежали все капиталы Америки и Африки, вместе взятые. С Ванею были такие предметы: нож, хирургическая пила, пластмассовый баллончик со сжатым сонным газом (за недорого отдали на Минаевской толкучке), превосходный набор отмычек для банковских операций, складной миноискатель — и еще то, что за границей называется вдохновением.

Чувствуя себя необыкновенно ловким и сильным, Чмотанов мягко ступал последним.

Офицер отвернулся посмотреть, не остался ли кто в гранитном тамбуре. Ваня скользнул к саркофагу. Безмолвные часовые, стоявшие по углам, как прежде заметил Ваня, спали, дыша ровно и не мигая. За одного из них Чмотанов и спрятался.

Офицер проверил пломбу в поддоне саркофага. Словно рысь, следил за ним вор века. Дежурный снял чехол с телефона и набрал номер.

— Алле, алле. Жорик? Это я, Шолкин. Закруглился. Все в порядке. Что-что? Ха-ха. Волосы в бороде! Вот будешь завтра дежурить, тогда и считай. Ха-ха. Пока.

Потом офицер снова позвонил.

— Позовите Нинель. Алле, Нинель? Здравствуй, дусик. Еду к тебе, моя девочка. С работы звоню. Порядок. Все ушли, один я остался. В Оперетту? Очень мило. А потом к тебе? Еду. Пока.

Офицер зевнул и, воткнув штепсель сторожевой системы, вышел в желтую латунную дверь.

Чмотанов зашевелился, подкрался к розетке и выключил иностранные хитрости. Поудобнее устроился рядом с телефонным столиком за ширмочкой и отдался потоку мыслей о будущем. Пойти в гостиницу Интурист, подкараулить американца и спросить у него адрес Рокфеллера. Так, мол, и так, мистер Рокфеллер, пишет вам простой русский парень...

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

Сменялись караулы, топя сапогами. Негромко командовал разводящий.

Пробило полночь.

Час ночи.

Два.

— Кось! — сказал наружный часовой. В подземелье голос солдата прокатился, как в бочке. Чмотанов замер.

— А? — вполголоса ответили из темного угла.

— Злодей этот Шолкин.

— Злодей, — согласился второй.

— Ты, говорит, зараза, если еще хоть раз пропустишь политинформацию, — всю зиму в наружке прстоишь. Через час, говорит, стоять будешь.

— В декабре я нос из-за него отморозил — три часа стоял через час.

Градусов тридцать было.

— Это он любит.

— Ох-хо-хо, скоро ли пересменка?

— Три четверти пробило.

Ровно в три часа ночи Чмотанов натянул респиратор и открыл баллончик с сонным газом. В склепе зашипело. Часовой сон превратился в наркотический.

Пробило четверть четвертого.

Чмотанов встал и подумал: «Размяться бы». Он залез на саркофаг, сделал на руках стойку и походил немного. Затем прыгнул и быстро сорвал пломбу. Осмотрев замок, Ваня коротко хохотнул. Вместо замка под трехбородочный японский ключ вор века обнаружил обычный замочек от канцелярского стола. — И тут средств не было! — хихикал расхититель, отпирая замок булавкой. Он поднял стеклянный верх на петлях, словно кузов автомобиля, и влез на ложе. Став рядом с Ильичом на колени, Ваня вынул пилу. Осторожно, как мину, приподнял он голову с належанного места и... голова осталась у него в руках. Положив ее рядом, Ваня лихорадочно, словно золотоискатель, сунул руку в отверстие, прикрывавшееся головой, и нащупал что-то комковатое.

И вытащил горсть обыкновенной пробковой крошки.

— Это как же так... — Ошеломленно сказал Ваня. На глаза навернулись слезы. Он схватился за кисти рук, будто утопающий, и они, твердые и холодные, как железо, предательски отвалились. Из рукавов исторического френча посыпалась толченая пробка.

Страшный гнев охватил Ваню Чмотанова. Невидящим взором оглянулся он вокруг, — сломать, разбить! Так подло обмануть его! Обманывать с самого детства! И если бы только его — всю Россию, весь мир...

Донесся отрезвляющий бой курантов. Осталось полчаса до смены караула. Ваня завернул голову в тряпицу и сунул за пазуху. Спрятал под платье не понадобившийся инструмент, закрыл крышку саркофага.

Тоска душила Ваню. Он подошел к сопевшему часовому и толкнул его кулаком в живот.

— Чаво? — спросил часовой. Он стоял смирно и, не мигая, глядел на Ваню.

— Плохо служишь! Побывали здесь до меня.

— Так точно, товарищ капитан.

— Завтра под суд пойдешь.

— Служу Советскому Союзу, — прохрипел часовой и засвистел носом.

Чмотанов поднялся по лестнице, тихонько потянул на себя стылую бронзу двери. В узкую щель виднелась заиндевевшая брусчатка Красной площади. Гудели прожектора. В косо́й тени стоял часовой — вольно, пристукивая каблуком о каблук.

«Ишь, распустились, — с неожиданной злобой подумал Ваня. — Четвертый час ночи — они и рады, что никто не видит. Встал, будто семечки покупает!»

Ваня достал из кармана кепку с большим козырьком, нахлобучил на уши, поднял воротник.

...Часовые остолбенели. Из черного проема двери, бочком протиснулся Владимир Ильич. Щурясь от резкого света, он искоса снизу взглянул на лицо белобрысого солдата и ловко подхватил выпавший из его рук карабин:

— Остожнее, товагищ! Дегжите погох сухим.

Ильич вложил карабин в безвольную руку часового, потрогал пальцем лезвие плоского штыка и покачал головой:

— В наше время красноагмейцы лучше относились к огужию. Сознайтесь, батенька, ведь штык туповат?

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

— Туповат, товарищ... Владимир Ильич, — выдохнул белобрысый. И позабыл, что надо дышать. Его товарищ, смуглый парень из Казахстана, закатив белки, медленно сползал, обтирая спиной стену из черного лабрадора.

— Вы из каких мест будете, товагищ? — остро глядя на белобрысого и ухватившись за лацканы пальто, спросил Чмотанов.

— Вологодские мы... — прохрипел часовой.

— Значит — шутить не любите! — резюмировал Ленин. — Тогда — пощайте. И помните: импегалисты тоже шутить не любят. Так и пегедайте товагищам... — Ильич ловко взял под козырек и деловитой походкой зашагал вдоль трибун к Историческому музею.

— Очнись, дура! — пнул сапогом белобрысый своего напарника. Тот со стоном разлепил веки, поднялся, опираясь на карабин.

— Слышал, как я тут с Лениным разговаривал? — спросил вологодец. — Наказ его знаешь — все беречь и никому не отдавать...

— Докладывать будем? — простонал смуглый.

— Кому? Лейтенанту? Нос у него не дорос, ему докладывать... Я — Ленина видел, а он что? Пусть он на политзанятиях докладывает.

...Чмотанов подошел к Историческому музею. Отделившись от стены, к нему шагнул человек в штатском. Он заглянул Чмотанову в лицо, открыл рот — да так и застыл.

— Эдгавствуйте, товагищ! — не вынимая рук из карманов, кивнул агенту Чмотанов и свернул за угол.

Чекист прирос к асфальту. «Докатился, — мелькнуло в его мгновенно вскипевшем мозгу. — Не зря баба пилит: не пей! Уже и Кузмичи мерещатся...»

Чмотанов миновал Лубянку, когда далеко-далеко куранты проиграли четыре часа ночи.

Простота похищения его разочаровала. К чему все приготовления, если его изошренной изобретательности не предвидели хранители древности?

— В Египте потруднее было, — с обидой рассуждал Ваня. — Лезешь в усыпальницу к фараону и вдруг — хлоп! — плита позади падает. Или в лабиринт попадешь, рыдай, пока не сдохнешь...

Полный тоски и безучастности, Ваня выехал в Голоколамск к знакомой вдове, его верной подруге Маняше, чтобы отдохнуть и обдумать дальнейшее. Дело предстояло трудное. Снова Чмотанов почувствовал в душе разгорающуюся любовь к риску и удаче.

Караулы сменялись. Привычно печатая шаг, усиленные преступником люди дошли до казармы и повалились на нары.

Доступ, как обычно, начался в 11 часов. В Александровском саду царила давка, но подходили к дверям присмиревшие, благоговейно снимали шапки и парами шли мимо стеклянного ящика. Тихонько плакала старушка, мутно вглядываясь в бессмертный образ того, кто за десять дней потряс земной шар. Многие, не видя лица, полагали, что так и должно быть. Другие мысленно дорисовывали недостающие дорогие черты.

— Не останавливаемся. Пройдем скорее. — Командовал дежурный офицер Жорик.

Последней в этот день вошла супружеская чета. Должно быть, приехали они из провинции. Одеты были оба в старомодные китайские плащи из крашеного брезента.

— Скорее! — предупредил офицер. Они ринулись вниз, подчиняясь команде. Чета разлетелась и ударилась лбами в дверь листовой латуни. Дверь запела, словно уронила гитару.

— Тихо! — грубо сказал Жорик.

Трепеща, чета взошла на смотровую площадку и, щурясь после белоснежной площадки, приглядывалась к мумии.

— Паша! — зашептала жена. — У него головы нет, или это мне кажется?

— Молчи, дура! — Супруг напряженно оглядел ложе. Самой существенной части тела действительно не было. Пот хлынул ручьями по спине мужчины. Он вдруг увидел, что голов целых три, потом их стало восемь, и головы, размножившись, заполнили целиком стеклянную коробку, словно кузов машины, груженной навалом капусты.

— Черт! — глухо крикнул супруг.

— Черт!

Он качнулся и ударился головой об острый край гранитного парапета.

— Паша! — отчаянно закричала женщина и упала рядом с ним на колени.

— Паша, прости меня! Ну, закатилась куда-нибудь, всякое бывает!

— Посетителю плохо. Нашатырь, — скомандовал Жорик, подготовленный ко всем случаям жизни.

— Не беспокойтесь, мадам, — нарушая устав, офицер взял под руку обезумевшую от горя женщину. — Вашему мужу окажут необходимую медицинскую помощь.

— Ну вот, ни объявления, ничего... — Всхлипывала она. — Лежит безголовый, а у меня муж нервный, контуженный, инвалид второй группы... В сто лет раз в Москву приедешь, дороги не знаем, ничего не знаем...

— Кто безголовый? — ледяным тоном спросил Жорик.

— Безголовый, безголовый! — упорствовала посетительница и рыдала, тыкая пальцем в сторону саркофага. Жорик оглянулся. Неожиданная слепота затмила взгляд. Он сбежал вниз и, приподнявшись на цыпочках, прижался носом к стеклу.

Красноватый свет. Френч. Ботинки. Все по уставу. Протер глаза. Головы... не было. «Как поступает настоящий офицер на моем месте?» — подумал очень медленно Жорик. Он вынул пистолет и вложил кислую сталь в рот.

— Товарищ капитан... — говорил ему в спину дежурный врач. — По всей видимости, умер товарищ.

Грохот выстрела потряс благоговейную тишину. По стеклянному торцу опустевшего саркофага, трепеща кусочками холода с мелкими прожилками сосудов, сползали мозги дежурного офицера.

В эту ночь Правительство не расходилось. Гарнизон развели и посадили под замок. Составили список лиц, допущенных к чрезвычайной государственной тайне. К столице были подтянуты танковые дивизии. Улицы и общественные места патрулировались агентами в штатском и солдатами, переодетыми дворниками.

Ждали возникновения враждебных слухов и приготовились брать всех.

Совещались.

Словно угроза черной чумы нависла над городом. В пижаме и ночном колпаке привезли академика Збарского.

Совещались.

Генеральный секретарь плакал, как ребенок, размазывая краску с бровей. И не он один. Никто не знал, что делать. Подсказать было некому. До начала работы мавзолея оставалось около полусуток.

— Так быстро реконструировать невозможно... — сказал оправившийся от приступа ужаса Збарский. — Если постараться... месяцев за шесть... справимся!

— Полгода! — застонало Политбюро.

Гениальное всегда просто.

— Знаете ли что, — успокоившись немного, сказал Генеральный секретарь. — Актёра положим на время.

— Ура! — закричали в интимном кругу.

— Привезти актера Роберта Кривокорытова! — распорядился Начальник искусств.

Через полчаса актера доставили, — почему-то дрожащего, с малиновым подтеком под глазом.

— Фингал откудова? — раздраженно спросили допущенные к тайне.

— Сопротивлялся гражданин! — чеканил агент. — Кричал, что не имеем права.

— Черт вас дерит! Чисто ни одного задания выполнить не можете! — кричал Начальник искусств. — Загримировать его! Живо!

Актер что-то бормотал и вырывался. Его почти унесли и... ввели вскоре пожилого и растерянного Владимира Ильича. Все неволью подтянулись.

— Годится! — сказала хором правительство.

— Роберт! — мягко, по-отечески начал Генеральный Секретарь, взяв из рук референта текст речи. — Вам выпала трудная, ответственная, но почетная, благородная задача. Дело в том, что тело Ильича взято... так сказать, на реставрацию... Но было бы неудобно и политически неправильно прекратить доступ в мавзолей. Это прекрасная почва для слухов и враждебных домыслов...

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

«Неужто свистнули Кузьмича? — нервно подумал артист. — Не может быть».

— ...Так вот, Роберт, вам придется полежать вместо праха. Справитесь ли? Сумеете ли воссоздать образ вечно живого Ильича, но вместе с тем и как бы неживого, то есть он, конечно, вечно живой, но в мавзолее он не совсем живой вечно живой, не так ли? На время работы переведем вас на кремлевское снабжение.

— Нужно подумать, — сказал Кривокорытов и решил про себя: «Ясное дело, сперли».

— Дорогой Леонид Кузьмич, дорогие товарищи, друзья! — приосанившись, заговорил знаменитый артист, стараясь протянуть время. — Системе Станиславского предстоит трудная проверка, но она выдержит, как уже выдержала сотни испытаний за полвека существования нового, социалистического общества. Константин Сергеевич требовал, чтобы на сцене... все было, как в жизни... Однако мавзолей лишь в определенном смысле сцена. Мне предстоит создать не совсем живой образ неживого...то есть, я хотел сказать, неживой образ вечно живого... или, точнее, живой образ не вечно... простите... вечно неживого!

Кривокорытов запутался и вспотел. На него в упор смотрели Начальники искусства и безопасности, и в глазах последнего уже загорелся нехороший желтый огонек.

— Ну вот и прекрасно! — облегченно подытожил Генеральный секретарь и кивнул Начальнику безопасности:

— Отберите у товарища актера подписку о невыезде, подписку о неразглашении, — и пусть обживает рабочее место.

Стояла чудная зимняя ночь. Около Спасской башни сопровождавшие Кривокорытова лица отперли дверцу в стене и долго спускались вниз по мраморной лестнице. Затем они пошли по узкому коридору под площадью и вновь начали подниматься. Ярко освещенная крышка люка поблескивала надписью: «Запасный выход». Офицер открыл ее, и группа вылезла в мавзолее.

Сутились рабочие, откинув кузов саркофага, — они проводили трубы микроклимата.

— Здесь, товарищ Кривокорыгов! — рапортовал офицер охраны. Актер оглянулся. Тошнотворный приступ тоски пронзил ему душу. «Боги, боги искусства, зачем вы покинули меня! Неужели лежать в гробу по системе Станиславского?» — внутренне стонал актер.

И лег репетировать.

Он сосредоточился, положил руки: левую — плашмя на грудь, правую — чуть сжав в кулак. Скорбно расслабил веки.

— Великолепно! — раздался по радио, спрятанному под подушкой, голос Начальника искусств. — Но уж слишком живой. Нельзя ли немножко умереть?

Приказывал Начальник.

Артист подчинился.

— Так держать! Так лежать!

Доступ в мавзолей начался в 11 утра.

В интимном кругу обсуждали, что делать.

— Не лучшая находка, этот Кривокорыгов.

— Идея! — воскликнул Начальник искусств, бешено вращая черными глазами. Столпившись, закусывали и слушали проект. Смеялись и гладили себя по животам.

* * *

Ваня Чмотанов сошел в тихом Голоколамске. Душа его наслаждалась прекрасным зимним днем и покоем провинции.

Он прошел через город. Рядом с развалившейся церковью стоял аккуратный чистенький домик. Из трубы шел дым. «Нежданная радость — это я», — тщеславно подумал Чмотанов и свистнул. В окне мелькнуло лицо. Загремел засов.

— Ванечка! — воскликнула, появившись в дверях, розовощекая курносая гражданка. — Соколик мой необыкновенный!

Телосложением Маняша была круглая и плотная. Она встречала друга в чудесной мохеровой кофте цвета весенней лягушки.

Они расцеловались.

— А я, дура, думаю: заловили моего соколика, давно не видеть.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

— Нет, Маняша, жив твой соколик, прилетел с миллионами.

Маня раскраснелась и с истинно голоколамской страстью впиалась в губы Чмотанова.

— Экий архипоцелуй, Маняша! — шутил Ваня, обвиваясь вокруг неё плечом.

Они сели за столом в передней избе под образами.

Выпив самогону, Чмотанов поцеловал подругу и сказал:

— Эх, заживем, Маняша, вскорости...

Кривокорытов трудился в поте лица. Первый день отлежал тяжело, но постепенно настолько освоился и так сосредоточился, что по окончании доступа приходилось будить его. Артиста успокаивало и укачивало еле слышимое шарканье толпы; поначалу болезненны были уколы тысяч глаз, впивавшихся в бесконечно дорогие черты, но вскоре явилось второе дыхание. Психологи догадались пустить по радио музыку. Роберт лежал с удовольствием, слушая медленное танго. Неустанно следили и за идейностью актера. «Сегодня я прочту лекцию на тему, — услышал однажды Роберт вкрадчивый профессорский голос, — почему не следует верить в Бога».

«Все люди смертны, — ласково говорили в наушниках, — и всем предстоит умереть. Но не совсем. Человек превращается в атомы и электроны, которые неисчерпаемы. Бессмертно также дело пролетариата, его диктатура. На давным-давно загнившем Западе полагают, что она постепенно смягчится! — доверительно сообщил лектор. — Этому не бывать! Диктатура установлена раз и навсегда и постепенно распространится на всю бесконечную вселенную. Лежите спокойно, Роберт».

По чьей-то невидимой указке им заинтересовались журналисты. Разумеется, расспрашивали и писали об официальной половине деятельности маститого актера, — в театре, дома, среди коллег. Слава Кривокорытова росла. Завистники распространили слух, что он подкуплен одним небезызвестным учреждением. Артист с негодованием ответил по телевизору стихотворением поэта, написанным по-новаторски — «от противного». «Да, я подкуплен, — писал поэт. — Я подкуплен березками белыми... я подкуплен

глазами любимой...» Завистники передразнивали: «Бэрьозкой!» — намекая на знаменитый валютный магазин. Но в наш век рационализма, смешавшего арифметику и поэзию, стихи все-таки подкупали искренностью чувства.

Однажды в середине марта Кривокорытов проснулся и принимал ванну. По актерской привычке он решил поупражняться перед зеркалом. Взглянул — и охнул: на лбу набух огромный фиолетовый прыщ. «А через три часа ложиться!» — сокрушался Роберт.

Он спешно вызвал гримера, тот кое-как справился. Можно даже сказать, что теперь лицо поклонника «Апассионаты» обогатилось печатью раздумий великого философа, мыслившего не понятиями, а континентами и эпохами.

К сожалению, Кривокорытов не оценил нового штриха, а даже расстроился. Он шел по служебному подземному ходу в отвратительном расположении духа.

Но когда он лег, и мимо пошли тысячи людей, он вновь преисполнился важностью задачи и подобрел.

Все шло хорошо.

В полдень с последним ударом курантов артист ощутил неудобство в левой ноздре. Постепенно осознал он причину. Невыстриженный волосок щекотал в носу, тихо, но губительно, с каждым вздохом приближая страшное. Роберт собрал в кулак весь профессиональный опыт актера. О, если бы можно было почесать нос рукой! Ведь и раньше бывали подобные случаи. Роберт вспомнил, как нужно было зарыдать, когда положительная героиня в одной пьесе провалилась в нужник и утонула. Тогда он закрыл лицо рукавом из бутфорского шелка и превратил гомерический смех в трогательный плач.

Волосок шевелился. Рушились города, кричали женщины, свергались правительства, и весь земной шар объял огонь новой мировой войны.

Фокстрот по радио оборвался.

— Алле, алле, Кривокорытов! — раздался голос Начальника безопасности.
— Что это Вы задумали?

Роберт напряг железную волю актера.

— Бросьте вы эти штучки! — загремел Начальник, и неумолимо приблизился миг предательства Родины. В голове Кривокорытова помутилось, он раздулся, как лягушка в знаменитой басне. Земной шар сошел со своей орбиты и неотвратимо падал на раскаленное солнце.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

— Ап-чхи! — грянуло на весь мавзолей.

— Я тебя расстреляю, собака! Продажная шкура! Фашист! — орал Начальник в подушке фальшивой мумии. Актер понял, что все кончено. С воем он вскочил на четвереньки, запрыгал, рыдая, под стеклом.

Ударившись головой о крышку, падая, Кривокорытов каблуком распорол перину, и гагачий пух затопил хрустальную гробницу. Актер бился в застекленном пространстве, словно гусь в пухоципательной машине.

Оцепенение посетителей длилось вечность. Страшным ревом взорвались сошедшие с ума. Толпа бросилась к саркофагу.

— Воскрес! Воскрес!

— Он задыхается!

— На помощь!

Чудесная весть, словно ток, пронизала очередь. Народные массы хлынули в склеп, повалив и растоптав охрану. Вмиг была сорвана крышка. Под вой и хихиканье сумасшедших, затравленно глядя, выпрямлялся незадачливый служитель Мельпомены.

— Воскрес! — вопили кругом и плакали, хватаясь за полы темно-оливкового френча.

Офицер Шолкин побледнел и протискался в каморку с телефоном. Он отрапортовал о случившемся Генеральному секретарю и деловито, поглядев на часы, застрелился.

Охрана, залегшая под голубыми елями, встревожилась гулом и бегущей толпой.

— Наверное, мятеж, — предположил майор Разумный. Он долго пытался дозвониться до начальства. Никто не подходил к аппарату. Политрук еще с утра уехал к больной теще. Чувство одиночества сдавило сердце майора. Он подумал, что Кремль взят, вспомнил о своей исторической ответственности и скомандовал:

— Рота! Рассеять мятежников!

Застучали пулеметы из-под елей. Стрельбу слышали патрули на крыше ГУМа, на Спасской башне и в Покровском соборе, и поддержали Разумного. Ударили крупнокалиберные, из древних бойниц со стены били из карабинов и автоматов.

* * *

Генеральный секретарь плакал, как мальчик, рвал телефон, вызывая с окраины танковую дивизию.

— Самозванец...! — кричал он и тер кулаками глаза. — Гад несчастный!

Дозвонившись к генералу Слепцову, Леонид Кузьмич бежал по гулкому коридору, созывая товарищей по классовый борьбе. Споткнулся, упал на ковер и втянул голову в плечи, решив, что сзади на него бросился десант мятежников. Но в коридорах никого не было. Бросился по лестнице. Распахнул неприметную дверь кабинета для совещаний. Выпучивая глаза, застыл: на окнах, прицепив ремни к защелкам фрамуг, висели Начальники искусства и безопасности.

— Караул! Убивают! — закричал Генеральный секретарь, отступая задом и не отрывая глаз от конвульсивно дергавшихся ног многолетних соучастников.

— Скажи! Слово скажи! — выла толпа.

«Сказать, что случайно здесь — убьют!» — вспыхнуло в мозгу артиста. Медленно, как во сне, поднял он правую руку и простер ее над толпой.

— Товарищи! — начал актер. — Да, я воскгес. Может быть, вгагам рабочих и гкестьян это покажется вздогом, небылицей. Нет, воскгесение меня отнюдьне опговегает учения Магкса. На том свете я часто мучался тем, что многого недогегшил, не гпегдусмотгел. Как вы знаете, электгон негсчерпаем. И атом тоже. Исползовать все возмощности, согбать все силы, — это задача, котогая по плечу только тому, кто готов отдать все силы пголетагиату. И вот я сгеди вас, догогие товагищи. Сообща мы одолеем все трудности, всех бюгкокгатов!

Кривокорытов кончил, и в наступившей тишине отчетливо проступила пальба.

— Что это? — спросили в толпе.

— Кое-кому теперь не поздоровится! — раздался истерический крик. — Мы не дадим в обиду нашего Ильича!

— Впегед, товагищи! — обрадовано воскликнул Кривокорытов.

Толпа хлынула к выходам.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

Актер, пятясь, приподнял крышку служебного входа. Торопливо шагнул — мимо ступеньки — и с грохотом провалился в подземелье. Тяжелая лепешка чугуна, захлопнувшись, долго гудела над лежащим в беспомощности самозванцем.

Генерал Глухих сразу разгадал маневр генерала Слепцова, двинувшего танки в столицу. «Ага! Вот тебе и хунта! Врешь, не проедешь!» — подумал он, но позвонил на всякий случай Слепцову.

— Что-то ты поехал. Григорий Борисыч, — медовым голосом спросил он.

— Генсек лично приказал, — уклончиво ответил Слепцов.

— А мне вот почему-то не приказал! — радостно засмеялся Глухих.

— Значит, не та фигура...

— Да? Ну, будь здоров, Григорий Борисыч.

Глухих выдвинул фланги и ударил на дивизию Слепцова, охватывая ее с северо-востока и юго-запада. Завязался тяжелый, изматывающий бой.

— Пекин дайте! Пекин! — кричал Генеральный секретарь в белый правительственный телефон.

— Соединяю, — безучастно отозвалась телефонистка.

— Алле! Это кто?

— Сяо-сяо? Фай дунь фо?

— Это я, Москва! Фео жень чин чи!

— Кто говорит?

— Москва, Генеральный секретарь! Дайте председателя Мао!

— Председатель занят. Звоните на другой неделе.

— Нельзя! У меня тут государственный переворот!

В трубке затихли. Слышны были посторонние разговоры и споры по-китайски.

— У вас пелеволот? — отозвались из Пекина.

— Да!

— Плосили пеледаты: так вам и надо. — И в трубке щелкнуло.

— Предатели! — взвился Генеральный секретарь. — Все предали! Все пропало!

Он оторвал трубку и топтал ни в чем не повинный телефонный аппарат.

Бросился вон.

«К Ульбрихту!» — стучало в висках.

Ваня Чмотанов, кряхтя и зевая, почесывая богатырскую волосатую грудь, просыпался рядом с Маней на жаркой перине. Натоплено было ужасно, во рту еле шевелился язык, высушенный самогоном. Он слез с кровати и босой вышел в сени. На лавке стоял заботливо приготовленный ковш с ледяным огуречным рассолом.

— Хорошо! — ухнул Ваня, выпил — и схватился за щеку. Чудовищно заныл зуб.

Встала подруга и готовила самоварчик.

— Мань, — оглядывался Ваня, — а чемоданчик где мой?

— Чемоданчик-то? Помню, помню, спрятала... вон на печке-то, под валенками пошарь.

— Забыл сказать, Мань, чтоб, наоборот, на холод вынесла. Как бы не запахло...

— А что в нем-то?

— Сувенир, Маняша, стомиллиардный.

Ваня залез на печку, разгреб кучу подшитых валенок и луковой шелухи. И спрыгнул с чемоданчиком.

— Гляди, Маняш.

Молния заедала, Ваня долго дергал металлический хвостик. Маня смотрела выжидающе. Наконец, крышка освободилась, и женщина заглянула. И обомлела. В чемодане на вате лежал обыкновенный череп. Ваня смотрел тупо. Маня перекрестилась.

— Так, так... — прохрипел Чмотанов. — Вот, значит, какой прах бывает...

В желтоватую корку воска, окружившую череп, встыли щетинки. В глазнице лежал некрашенный деревянный глаз. Тоскливо торчал фаянсовый носик от чайника. Ваня вытащил гофрированное картонное ухо.

— Мощи, значит... Вот те и миллиарды, Манюшка...

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

— Вань! — тревожилась подруга. — Или теперь по кладбищам шарить?

— Да-а, святыня. — Он вынул череп и бессмысленно вертел в руках. И в затылке увидел аккуратную дырочку.

— Это как же?.. То есть, конечно, стреляли... Только вроде бы спереди...

Ваня расстроился. Зуб разболелся сильнее.

— Налей, Манюш, стопку. Что же это.

Чмотанов выпил и сидел долго, задумчиво хлопая челюстью черепа на пружинках.

— Темное дело, история. Маня. Что там, зачем — непонятно нам.

В дверь постучали. Ваня скрыл череп одеялом, глянул в окно. У крыльца топтался Аркаша, дружок верный.

— Открой, Мань.

Друзья обнялись и выпили. Горчило во рту, не столько во рту — на сердце.

«Опять по карманам, — с досадой думал Ваня. — И когда это кончится...» Но прислушался к рассказу Аркашки.

— Да мы, Вань, через чердак пойдем. Я смотрел, доска одна ходит, вынуть и вниз. Ты не думай, дело верное. И на Кавказ. А попозже Маньку выпьем.

— Это мы обдумаем, Аркаша. Налей-ка, Мань. — И крякнул: — Ох! Зуб дернуло!

— Дай-ка платком перевяжу, — засуетилась Маня. — Спиртом пополощи, уймется...

Друзья пошли осматривать местность, чтобы решить, работать в сберкассе или нет.

— Ванюшка! — окликнула Маня вслед. — А ... с костью что делать-то?

— А! — махнул рукой Чмотанов. — На печку сунь.

Несмотря на будний день, улицы Голоколамска на глазах закипали возбужденной толпой. Милиция жалась к отделению, неуверенно прикрикивая издали:

— Шли б работать, чего по-пустому языками трепать!

— И тут встал он и говорит: хватит народ притеснять! Одних буржуев, говорит, скинули, теперь вы, говорит, на шею сели.

— Точно, точно. Чтоб, говорит, всех министров к завтраму в слесаря отдать.

— Так что ж, воскрес, значит? А в Бога-то не верил!

— Дурак! Он-то, афей, десяти праведников стоит! — сказал лучший плотник города.

— Ну, Томка, а дальше что?

— Ну, тут все начальство и убежало. Главные, говорят, в Америку на танке уехали.

— Через море-то? — скептически сказал лектор по распространению знаний Босьяков.

— У них все есть, не беспокойся. А потом говорит: всем по двести рублей оклад, мануфактуры по десять метров, квартиры всем выправить. Чтоб, говорит, населению никакого гнету. И пусть, говорит, неп будет полный.

— А еще проводник с поезда говорил, будто насчет водки распорядился.

— В первую очередь. Чтоб, говорит, снова старые деньги были и чтоб поллитровка пять рублей стоила. Полтинник на новые.

— Чудесное дело!

— А военные тут и задумали: танки на него выкатили. А он идет и улыбается. Махнул рукой раз — половины танков и нету, махнул другой — глядь, а один генерал уже с другим бьется. Во как!

— А он?

— Распорядился он и пошел по Расsee смотреть, как народ живет. В скором времени вернись, говорит, вплотную делами займись.

— Все это сплетни и враждебные слухи, — разъярял лектор Босьяков. — Как это может воскреснуть мумия?

— Это кто мумя?! — всполошились бабы. — Это для тебя мумя! Отъел брюхо-то, да народ и дурачишь. А тут в магазин пойдешь — мыло да консервы, да и то, если есть! Сам-то за пальтом в Москву ездишь, а нам некогда, работаем! Ишь, расфуфырился! Ужо объявится у нас, то-то тебе работу подыщет!

— Иди-ка, парень, — сказал лектору мужик в телогрейке. — За такие слова зубы ломают.

— А я что? — смутился распространитель знаний, поправляя кашне и пыжиковую шапку. — Только по всем законам физики такого быть не может.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

— А по какой физике в магазине колбасы нету? — насел мужик. — «Все знаю, знаю», — передразнил он. — Чего же ты не знаешь?

Подошедшие толпились вокруг лектора, потихоньку потыкивая его кулаками под ребра.

— Милиция! — истошно заорал распространитель знаний. — Убивают!

Тут всё и началось.

Навстречу трем испуганным милиционерам бросилась людская стоножка. Смертельно побледнели блюстители и побежали к огородам.

Председатель горсовета Члеников, промахиваясь дрожащим пальцем, звонил в воинскую часть.

— Кто это? Снегирев? Ты-то мне и нужен. Пришли батальон, черте-что в городе происходит.

— Не могу, — сказал Снегирев, — в баню идем.

— Какая к черту баня?! Бунтуют у меня!

— Ну и что? — злорадно сказал Снегирев. — Помнишь, я машину тесу у тебя просил, ты мне что сказал? А?

— Снегирев! Я жаловаться буду! Я до обкома партии дойду! Нет у меня тесу!

— А у меня солдаты тоже люди.

— Снегирев, пойми, нет у меня теса, нет! Ну, ладно, дам я тебе два кубометра!

С треском вылетела дверь в кабинете и сшибла Членикова на пол.

Из окон исполкома полетели стулья и пишущие машинки. Вслед за ними, вздымая снежную пыль, попадали депутаты трудящихся. В пробежавших по переулку товарищах в одном нижнем белье с восторгом признали начальника милиции и первого секретаря горкома.

Рассеяв власть, жители бросились к магазинам. Ваня и Аркаша хохотали, любясь упразднением порядка: стихия была друзьям по сердцу.

И вдруг толпу, мчавшую мимо похитителя головы, повело, и она замерла, уставившись на Ваню и Аркашу.

Оба смутились.

Город смотрел и видел бессмертные дорогие черты того, кто поднял Россию на дыбы.

— Он! — истерически закричала учительница начальных классов. — И щека перевязана, чтобы не схватили ищейки!

Буря оваций грянула на площади перед сельпо. Раздались крики: «Ильич с нами!».

— Аркаша, пора уходить.

— Затопчут, Вань. Речь скажи для виду.

Ваня залез на пивную бочку. Говорить речи ему часто не приходилось, всего дважды в качестве последнего слова.

— Товарищи! — загремел его могучий голос. — Да, я воскрес. Пора навести порядок...

(«Картавь, картавь, Ванька, затопчут!» — шипел Аркаша).

...И мы наведем погыдок. Наш габочий погыдок. К чегту милицию и прокуратугу! Долой следственные ог'ганы! Мы можем жить без надсмотрщников. И будем жить без них, дагмоедов.

— А вытрезвиловки закроем, Владимир Ильич?

— Сегодня же!

— А водка точно дешевле будет?

— 50 копеек бутылка.

— Ура-а-а! — гремела площадь, спугивая галок и голубей.

Так в резолюции, составленной Аркашей, и записали.

К вечеру на ногах никто не стоял. Воспользовавшись новым положением дел, Ваня и Аркаша (теперь комиссар по иностранным делам) проникли в сберкассу и вышли с чемоданом купюр.

Неделю торжествовали. Ваня подписал множество декретов, один другого выгоднее. Трое местных интеллигентов подсунули декрет о свободе печати. Чмотанов подмахнул. «Голоколамская правда» вышла с новым названием «Ленинская правда», с огромным объявлением «Ильич с нами!» и большим портретом Вани Чмотанова.

Съели месячный запас продуктов. На Ваню все тяжелее ложилось бремя неограниченной власти. Робкие, постучались к нему первые ходоки.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

— Того, Володимир Ильич, распорядились бы, чтоб пища была. Бедствуем мы немного. Хлеб сырой, консервы... Нельзя ли насчет картофелю.

Ваня открыл партраспределитель и кормил город еще неделю. Кончились табак и водка. Скрыто начало зреть народное возмущение.

Тяжелый бой измотал Слепцова и Глухих. Генералы, равные по выучке, количеству правительственных наград и броневой мощи, не могли одолеть друг друга. В дивизиях нашлись герои, бросавшиеся под танки противника с гранатой.

Лес горел. Местное население ушло в партизаны. Кремль молчал. Генералы бросили в бой последние резервы.

Горечь и раздражение накапливались в Ванином сердце.

— Побеспокоил прах-то, вот он меня и бередит, — думал Чмотанов. — Кто же это мог быть? Раз с дырочкой — значит, не Ленин, Дзержинский бы этого не допустил... Неизвестный вождь?

Остатки праха Ваня сунул в кожаный чемоданчик и, перехитрив охрану, ушел из дому огородами.

Чемоданчик жег, оттягивал руку. Ваня вышел на торговую площадь. Ларьки, лабазы... Двое шагнули навстречу — в дрожащих руках зажав смятые рублевки, глаза смотрели бессмысленно:

— Третьим будешь?

«Не узнают...» — с облегчением подумал Ваня и кивнул.

Пили из горлышка, нюхали корочку, отплеывались. Событьельники ожили и повеселели.

— Халтуришь? — осклабился один, тыча пальцем в чемодан.

— Раскрой, посмотрим, — гаркнул третий, протягивая ручищу.

— Идите вы к..! — Ваня подхватил чемоданчик и зашагал по незнакомой улице. Двое тащились сзади, грозились, улюлюкали.

Ваня сворачивал за углы, торопился и незаметно оказался в поле. Суковатые телеграфные столбы тянулись под гору, гудели провода. Двое позади спотыкались и наконец завязли. По твердому насту Ваня выбрался на косогор.

Дальше Ваня помнил все очень смутно.

Он побывал в одной деревне, в другой. Оглядывался — сзади все время кто-то шел — и Чмотанов устремлялся дальше. Во рту горело.

«Самогон пили, не водку, — тупо подумал Ваня. — Жулье».

Вечерело, когда он обнаружил, что сидит на смерзшейся горке земли. Вокруг вкривь и вкось стояли деревянные кресты. У ног его была неглубокая яма с потухшими головешками. На дне ржавая лопата. Ваня шагнул в могилу и начал копать. Поначалу ему казалось, что надо выкопать клад. Потом Ваня осознал, что он сидит на краю, держа в руках столичную свою добычу.

— Бедный, бедный! — причитал Чмотанов. Он встал на колени, из угла могилы выкатился еще череп другой, третий...

— И в каждом — дырочка... — коснеющим языком констатировал Чмотанов, рассматривая черепа.

Столичный прах затерялся среди прочих.

Над всеми ними Ваня насыпал маленький холмик.

Затем он шел, сшибая кресты и размахивая руками. У горизонта стыла бледная вечерняя заря.

... Чмотанов очнулся в избушке, освещенной пятнадцатисвечевой лампочкой. Ветхий лысый дед в латаной жилетке стоял у самодельной книжной полки. Пятьдесят пять томов в одинаковых темно-синих переплетах и несколько рваных брошюрок с буквой ять в заголовках составляли неожиданную в такой глуши библиотеку.

— Возгашение блудного сына, — картавил старичок, стягивая с Чмотанова заляпанное грязью пальто. — Прошу, батенька, садитесь. Сейчас будем пить чай! А вы, действительно, случайно не... в некотором годе не годственный мне? Внешнее сходство есть, и довольно большое...

Чмотанов таращил глаза, силился понять: «Картавит, отроду лет сто».

Дед возился у электроплитки, сердился:

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

— Опять пегегогела! Ну, ничего, мы это починим. Но каковы кгохобогы: столько турбин построено, и до сих пор зне'гия — четыре копейки киловатт. Никакой пенсии не хватает. И опять выход один — нелегальное положение.

Дед ловко вставил проволочку в счетчик, тот перестал крутиться, а плитка занялась малиновым огнем.

Пили чай. Дед толковал о дружке своем Сашке, который живет в Америке, и, как и раньше, ни черта не понимает в мировой политике.

— Сто лет прожил, а ума не нажил. Так и не понял, за что его из России выпегли.

«На что намекает?» — недоумевал Ваня и осторожно спросил:

— А ты, дедок, чем занимаешься?

— Бегу кладбище, это меня устгаивает. Пенсия полностью плюс заплата. Летом подгабатываю, стогожу сено на лугу. Дело это мне знакомо издавна... Вы скажете — есть дела и поважнее. Лет пятьдесят назад я бы с вами согласился, а сейчас, батенька, увольте. Вы пейте чай, не то остынет. Так вот, заботы были немалые, здоговьишко пошатнулось, суете вокруг, доктога заде'гали, а я их стгасть не люблю. В России меня всегда тянет уйти в подполье. И я в одно пегекгасное утро ушел из дому. Совсем как г'аф Толстой со своими гисовыми котлетками.

Несколько лет жил инкогнито. Писал, думал... К сожалению, ничего не могу показать, на полке этого нет, хганю в укгомном месте, в Швейцгагии. Так вот. Когда спохватился — было поздно: товагици все уже гешили за меня. Мое появление было бы пгосто политическим идиотизмом. Я занялся своим здоговьем. Изучал йогу, пегестал читать газеты — кгугом твогилось что-то непонятное... Изгедка пегеписывался с Сашей, мы знаем дгуг дуга еще с гимназии. В общем, не стоит и вспоминать, что было — того уже не вегнешь...

Ваня впился в очертания стариковской тени. Голова, плечи... до ужаса знакомые черты... Тень зашевелилась. Буднично звенел о блюдце стакан.

Руки у Вани задрожали в нервном тике.

Очнулся он в избе у Манящи, с мокрым полотенцем на лбу. Как ни старался он вспомнить подробности встречи, всплывало одно: шел он, перебирая

руками колья плетня, а в небе висел колдовской серпик луны, и зеленые огни — парами светились позади в темноте. Глаза не то собак, не то волчьей стаи.

Настал день, когда Чмотанова разбудил невнятный гул и ропот. Он выглянул, зевая, в окно и замер с разинутым ртом: площадь была запружена населением. Голокомчане мялись, переговаривались, ждали выхода вождя. Заводской гудок проныл двенадцать часов.

Чмотанов почувствовал нехорошее и подумал, не позвонить ли в милицию. Не без досады он вспомнил о поспешной и непродуманной ликвидации следственных органов.

— Ванюшка! Что ж теперь будет?! — пугалась первая дама города Маня, стоя у окна в ночной рубашке из голландского полотна.

Вбежал, тяжело дыша, единственный комиссар Аркаша.

— Ванька! — кричал он. — Беги! Бить будут!

— То есть как?

Зазвенело стекло в отдаленном конце зала заседания.

Ропот толпы усилился. Ваня спешно натягивал штаны. С нижнего этажа слышались мощные удары в дверь.

— Пора говорить с народом, — решительно сказал Ваня.

Он вышел на крыльцо горсовета. Толпа замерла. Так привычен и ясен был дорогой образ, что впору было повернуть и терпеть.

— Товарищи! — гаркнул Чмотанов. — Что привело вас сюда, друзья мои, братья и сестры? Почему вы не на своих родных фабриках и заводах, не на полях ваших? Они принадлежат вам, ступайте трудиться!

— Курева нету, — юродиво заныли в толпе.

— Жратвы мало! — басом рявкнула баба в грязном тулупе.

— То есть как мало? — грозно спросил Ваня. — Что, так уж всё и слопали?

Толпа утвердительно засопела.

— Можно сказать, нету пищи, Владимир Ильич! — бойко крикнул инженер игольного комбината.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

Ваня растерялся. Все долго помолчали.

— Вы бы позвонили в центр, пусть эшелон с колбасой пришлют! — посоветовали бабы.

— Накорми, накорми! — разгуживалась толпа. — Накорми, и чтоб еще запас был! Твои мы, если накормишь, в столицу пойдем, если б надо.

— Иль не веришь нам?! — прорвался вперед плотник номер один. — Да я для тебя... руку отрублю! Хошь?

— Отруби, — рассеянно сказал Ваня, думая, где достать колбасы и хлеба.

Плотник крикнул, побледнел и вынул топор.

— Товарищи! — плачущим голосом сказал он. — Вот, для родного Ильича руки не пожалею!

Стало тихо. Плотник поднялся на крыльцо и поплевал на ладони. И положил правую руку на перила крыльца. Потом подумал и положил левую. Высоко над головой лучший плотник занес блеснувшее лезвие и — жакнув — ударил. И промахнулся.

Толпа крикнула, ничего не поняв, и присела. Плотник упал в бессознательном состоянии.

— Виданное ли дело — людей калечить! — заголосили бабы, а пуще всех визжала красавица Полина, жена плотника.

— Ай, какой мастер был! Ай, где ж теперь заработка возьмет! Гроба дрянного сколотить не сможет!

— Действительно, чтой-то очень странно, товарищ начальник, — сказал рослый парень в спортивном костюме. — Вот лежали вы, где положено, и вдруг у нас в городе объявляеетесь, народ смущаете...

В доме напротив горсовета с треском распахнулось окно, и по пояс высунулся распространитель знаний Босяков.

— Да здравствует Ленин! — провозгласил он на всю площадь.

— Заткнись, скотина! — заорали в толпе. Метко брошенный ком стылой земли ударил Босякова в лоб. С воем он отвалился внутрь помещения.

— А вот я думаю... что, если... — начал спортсмен и, не договорив о своем намерении, ударил Чмотанова в ухо. Толпа перекрестилась.

В ушах Вани поднялся колокольный трезвон.

«...в ухо?..» — запаздывая, проявлялось в сознании самозванца. Инстинктивно он уклонился от второго удара, и кулак молодца врезался в

дубовую двухметровую стойку, подпиравшую козырек крыльца... Она запела, как струна, и вылетела из пазов.

Крыльцо с грохотом упало и завалило Чмотанова. Публика ахнула и протрезвела.

— Эх, дураки мы, променяли кукушку на ястреба! — заплакали голокомчане и бросились разбирать доски. Ваню вытащили полузадохшегося, посиневшего. Откачивали. Спортсмена деловито дубасили станционные грузчики.

В дверях новенького финского своего домика показался, держась за косяк, лектор Босяков с перевязанной головой.

— Я же говорил, — плаксиво начал он, — что никакого воскресения быть не может: физика, партия и правительство учат нас...

— А тебя мы поучим! — заревели голокомчане. Босякова повалили и топтали ногами.

Чмотанов охнул раз и затих. Его понесли на руках.

Шли мрачные.

Два агента, сброшенные на пригородном болоте ночью, проснулись и позавтракали калорийным авиационным пайком, свернули надувные матрацы и двинулись к городу.

— Буратино, — сказал агент шедшему рядом товарищу. — Я Звезда. Как слышите, прием.

— Хорошо, — сказал Буратино.

— Впереди на дороге скопление народных масс. Что это? Прием.

— Несут кого-то, — сказал Буратино.

— Проверим, прием.

— Поглядим, конечно.

Агенты шли по снежному полю в белых синтетических куртках.

Они выбрались навстречу процессии. Как было условлено, Звезда ушел вперед.

— Хороните? — спросил шепотом Буратино у бабы, замороженно уставившейся на импортную форму агента.

— Где брали? — спросила она тоже шепотом, ощупывая материал.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

— Чего?

У бабы адским пламенем разгорались глаза: — Шить отдавали или так достали?

— А! — отмахнулся агент. — На работе дают, спецовка.

— Ну уж! — поджала губы женщина. — У нас тоже вон спецовки да телогрейки дают, срамота да и только.

— Гражданка, а куда идут все эти рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция?

— Да вот Ленин у нас в Голоколамске объявился, помяли стгоряча. В больницу несем.

— Ленин?! — заволновался Буратино.

— Ну да, Ленин. А что?

Агент протискивался вперед. Баба вцепилась в него и тащилась сзади:

— А как, со скидкой дают шубки-то или дорогие?

— Отцепись!

И точно: на руках членов месткома Игольного комбината им. Павлика Морозова лежал Ленин.

«Звезда, я Буратино! — засипел агент в микрофончик, зашитый в носовом платке. — Я у цели, у цели! Как слышите, прием».

— Отлично слышу! — рывкнула шапка на голове Буратино. Тот, чертыхнувшись, стащил ее, разстроганно мял в руках, вертя ручку громкости.

Впереди на дороге маячил Звезда.

«Вызови транспорт, приятель, берем цель!».

— О'кэй! — заорала шапка.

Звезда сошел в кювет, зарылся в снег и вытащил из живота прутик антенны.

Буратино дернул в кармане предохранитель двенадцатизарядного кольта и шел сзади месткома, пожирая Ваню глазами.

«Полное сходство. Где только он уродился», — ликовал чекист.

Профессиональным острым взглядом он заметил над горизонтом стрекозу, почти не двигающуюся с места.

— Товарищи! — Буратино выбежал вперед, останавливая процессию. — Ваше превосходительство рабочий класс! Успеем ли мы донести товарища

Ленина? Не перестанет ли биться его сердце? Давайте вызовем скорую помощь! Вождь пролетарской революции в опасности!

В небе раздался гул двигателей. Буратино замахал носовым платком.

Звезда выстрелил из ракетницы. Вертолет медленно снизился. Голокомчане зачарованно смотрели на транспорт будущего. Из его светло-зеленого стального брюха вывалилась веревочная лестница. Подпрыгнув и забравшись на перекладину, Звезда подплыл к членам месткома. Уцепившись ногами за лестницу, агент свесился и обнял Ваню за талию.

И тут голокомчане разглядели на брюхе вертолета иностранные буквы: UdSSR.

— Шпионы!! — что есть силы закричал член месткома Барашков (сам председатель лежал, трепеща и страшая народного гнева, на комбинате в ящике с конторскими кнопками). Он подпрыгнул и ухватил Чмотанова за штiblеты. На отважном Барашкове повисли четыре профсоюзных активиста, а последним прицепился Буратино.

— Караул, разрывают! — заорал Чмотанов.

— Невежи! — визжал лектор Босяков, вынырнув из толпы. — Человек именно тем, и только тем и отличается от атома, что он неделим! — Его моментально смяли.

Буратино не потерял присутствия духа. Он лез вверх по живой цепи, применяя против месткомовцев приемы из всемирно известной борьбы хун-ци.

На высоко болтавшейся лестнице висели агенты и Чмотанов. Заместитель Барашков сорвался и тяжело ударился о землю. За ним просвистел чмотановский ботинок.

Сельповский сторож Аггеич сорвал с плеча неразлучную двустволку и прицелился в выпуклое брюхо вертолета.

— Бей, Аггеич! Уйдут, бей Христа ради! — кричал у него над ухом безоружный инструктор ДОСААФа.

— Дык у меня в одном стволе — соль, а в другом горох! — по-бабьи причитал Аггеич, не отрываясь от приклада.

— Да не тяни ты! Огонь! — скомандовал побледневший инструктор и рубанул воздух рукой.

Аггеич нажал на спусковой крючок.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

Грянул почти пушечный выстрел. Вертолет крутануло в воздухе. Лестница оборвалась, посыпались люди, и —

расторопные официанты из ресторана «Дорожный» поймали Ваню Чмотанова на растянутое полотнище переходящего Красного знамени.

— Огонь! — снова командовал полковник запаса, и сторож Аггеич всадил горюх в моторную группу вертолета.

Машина ринулась к земле. Грянул взрыв.

В стороне от дороги взвилось пламя над грудой продырявленной фанеры.

— Так их... мать! — ахнул председатель. — Будут знать, как нашего Ленина воровать!

Доблестных зенитчиков окружила толпа. Им жали руки, пытались качать. Аггеич самодовольно крутил ус и кричал: «Знай наших!»

Заграничный стервятник догорал в поле.

...Ваня Чмотанов со строгим лицом, вытянувшись в струнку, лежал на алом полотнище. Люди жались к нему все ближе, держались за края знамени. Осторожно положили рядом с Ваней оброненный ботинок.

Барашков прикладывал снег к раздувшемуся носу.

— Ладно, пошли обратно, — сказал он. — Просчитались акулы капитализма. Впредь будем бдительнее.

— Заступник ты наш родной! — причитала баба в телогрейке, протягивая к Ване руки. — Веди нас! Будем холод и голод терпеть, только не серчай на нас! Превозмоги недуг свой!

Ваня, пришедший в себя, слабо улыбнулся и, преодолевая чудовищную головную боль, взял под козырек.

— Аркадий, — сказал Чмотанов. — Мне пора соскакивать. Подыщи машиниста на станции, скажи: надо ехать в Разлив. Или как сумеешь, но чтоб паровоз был. Сегодня ночью я отбываю.

— А я? — тоскливо протянул Аркаша.

— А ты останешься здесь в качестве Чрезвычайного и Полномочного Комиссара! Мандат выписать?

— Мы можем и без мандату кровя пускать кому следует, — презрительно усмехнулся Аркаша и расправил плечи. — Ну и трягну я их в тереберину мать, пусть знают, кого потеряли. Хошь, речь скажу, когда отъезжать будешь? «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам...»

— А вот паясничать не надо, — нахмурился Ваня. — Промедление смерти подобно. Дуй за паровозом.

Глухой ночью с запасного пути станции Голоколамск-3 без гудка отходил паровоз особого назначения. И хотя все свершалось инкогнито, без свидетелей исторического события не обошлось. В дубленых полушубках, платках и валенках толпились они у отдувающегося белым паром локомотива. Сыпал сухой снежок, с невидимой мачты слепили глаза станционные прожектора.

Старый опытный машинист Стакашкин потянул ручку реверса, и городские огни медленно поплыли назад. Чмотанов не выдержал и выглянул, сжав кепку в руке.

Его, конечно, узнали. Раздался сдавленный крик: «Да здравствует...», но кричавшего повалили, накрыли тулупом. Люди бесшумно рукоплескали. Корреспондент «Ленинской правды» бешено чиркал неработающей авторучкой в крошечном блокнотике. Рядом с подножкой набирающего скорость паровоза бежала заплаканная Наталья Федоровна, учительница начальной школы и, закидывая вверх голову, впитывала навеки любимый образ вождя.

Чмотанова проняло это непосредственное проявление чувства. Он понял, что должен сейчас же, сию минуту сделать что-то особенное для этой женщины, осчастливить ее на всю жизнь. Резкий ветер бил Ване в лицо, выжимая слезу. Он нащупал за пазухой тяжелый пакет с деньгами голоколамской сберкассы, но тут же ощутил в глубине сердца укол: «Нет, не то...» Он высунулся по пояс в окно и, глядя в глаза задыхающейся учительницы, крикнул:

— Держи-и! — И швырнул в протянутые руки свою историческую кепку. Паровоз прогрохотал по выходной стрелке, окутался паром, — и все скрылось навсегда во тьме.

— Не так, паря, лопату держишь... — начал было машинист Стакашкин, но осекся. — Простите, Владимир Ильич...

— Николай Иванович, — мягко поправил Чмотанов. — Теперь меня зовут Николаем Ивановичем. Так надо, — пояснил он, заметив, что Стакашкин чешет в затылке.

— Надо, так надо, — добродушно согласился машинист. — Я одно в толк не возьму, как это мы до Разлива доедем? Я по карте смотрел — не нашел...

— Добежемся, догогой товагищ, непременно добежемся, — успокоил его Чмотанов.

— А что вы там будете делать, товарищ Ленин, опять книгу писать? — блестя белками глаз, возбужденно спросил молодой помощник машиниста.

— Вот чегт, бгигада попалась инфогмигованная! Видать, ни одного политзанятия не пропустили, — подумал Чмотанов.

— А ты, Гарька, не в свое дело не суйся, — оборвал Стакашкин. — Смотри вперед да помалкивай.

— Я что, мое дело маленькое, — забормотал сконфуженный Гарька. — Смотри — не смотри, все равно никого нет, поезда неделю не ходят.

Дрожащий луч паровозного фонаря выхватывал из тьмы серебряные полоски рельсов, уходящих в белую мглу.

На сто первом километре Стакашкин остановил паровоз.

— А? Что? Где мы?... — озирался спросонок Чмотанов, прикорнувший на разnojке. Снег валил все гуще. Стакашкин взял лом и ушел в темноту.

Ярко пылал уголь в открытой топке.

— Кум тут у старика, обходчик, — пояснил Гарька, заметив беспокойство пассажира. — Мы у него завсегда чай пьем, а то и обедаем. Удобно, здесь запасной путь есть. Вот, говорят, нас на электровоз скоро переведут, не знаю тогда, что и делать... Придется самим над запаской провода натягивать, иначе с главной линии не свернешь и не жрамши останешься.

— А лом зачем? — подозрительно спросил Чмотанов.

— Так стрелку переводить, — сказал ГАРЬКА, прикуривая от уголька. — Тут раньше рычаг был, как положено, да наехали из центра инспектора и отвинтили, чтоб мы не баловали. Переночуем и дальше подадимся. Расписания нет, светофоры не работают, неровен час, на повороте врежемся в кого-нибудь.

«Бестолковщина и газвгащенность и ни на г'ош тгудового энтузиазма», — возмутился Ваня, но промолчал.

В домике обходчика было тихо и тепло. Уютно стучали ходики. За окном мягко, хлопьями валил снег.

Чмотанова поместили на сухой и горячей лежанке. Ему не спалось.

«Нет, мне с этими паровозниками не по пути. Как пить дать, сами засыплются, и меня засыпят. Ну и кадры у Аркадия. Поселились на железной дороге — и живут, не думая, что по ней летит локомотив истории. Ладно, черт с ней, с историей, надо уносить ноги... и деньги. Тьфу, чуть было не кинул их той дурехе. Вот ей ничего теперь не надо, полное удовлетворение получила. А я еще нет. Будем действовать».

— Доброе утро, ребята! — радостно закричало радио. — Пи-а-нерская зорька!

Запели фанфары.

Проснувшись, Ваня глядел в потолок и вспоминал. Голоколамск, стихия народных масс, кладбище, рейд на паровозе... э, а деньги-то!

Пакет был на месте, под подушкой.

Радио жило своей жизнью.

В комнате хозяев шумел самовар.

Ваня оделся и, открыв дверь, замер.

За столом сидел пожилой милиционер с погонами младшего лейтенанта. Отгопырив губы, он дул на блюдечко с чаем. На столе лежала ветхая черная кобура.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

С невозмутимым видом сидели присутствующие. Машинист уткнулся в чашку. Гарька и хозяин дома в ситцевой рубашке внимательно слушали представителя власти.

— Всю ночь, почитай, шел. Участок большой, а лысых и скуластых у нас вон сколько. Я вам розыскной лист сейчас покажу.

Милиционер расстегнул кобуру. Из нее выкатилась катушка с нитками, попадали на пол пуговицы («Женские», — успел удивиться Ваня), баночка с асидолом и граммов сто дешевых бледно-зеленых карамелек. При виде конфет участковый заметно смутился:

— Забыл совсем... Берите, ребята...

Смущенно он оглянулся. В дверях стоял Ваня Чмотанов. Наметанный глаз не отрывался от заспанного лица незнакомца, медленно наливаясь кровью.

— Гражданин! — позвал участковый служебным голосом. — Подойдите сюда.

— Это Николай Иванович, гость наш, — засуетился хозяин. — Знакомься, Ерофей Кузмич!

— Я не Ерофей Кузмич, — отрезал милиционер. — Я теперь участковый Усякин!

— Следуйте за мной, гражданин! — кивнул он Чмотанову, подвешивая к поясу кобуру.

Растеряв личный состав, герой Будапешта генерал Глухих продирался через чащу. Выйдя на обтаявшую полянку, изможденный, повалился он без сил, но вдруг услышал, как в лесу чертыхаются. Насторожившись, Глухих поднял голову. На противоположном конце полянки стоял Слепцов и счищал щепочкой грязь с кителя. Словно волна, вскипала в Глухих благородная ярость. Слепцов вышел на солнечный пятачок и сладко потянулся. Глухих не выдержал. Страшно захрюкав, он побежал на противника, спотыкаясь короткими ногами, выставив вперед могучий лоб, словно кабан на охотника.

Прославившийся взятием Праги танковый генерал Слепцов немедленно узнал гнусного соперника. Узенькие глазки его засветились, как у Голема. Когда Глухих, хрюкнув, ударил головой в живот несостоявшегося диктатора,

Слепцов что есть силы рубанул ребром ладони по толстой набрякшей шее изменника. Они расскочились.

— Хунту устроить хотели, Григорий Борисыч? — провизжал Глухих.

— Предатель! — зарычал Слепцов.

Стратеги снова сошлись. Ревя медведями, ходили они в обнимку по поляне, споткнулись и покатались. Слепцов разорвал воротник изменника и сладко впился клыками в жилистую шею. Противник елозил под ним, стараясь достать из кармана финский нож.

Челюсти Слепцова медленно сомкнулись, когда правая рука Глухих, действуя сама по себе, вонзила жестокий клинок в спину мятежного генерала.

На сцене Дворца съездов торжественно воссел поредевший президиум. В зале, оборудованном по последнему слову техники умелыми заграничными рабочими, поместилось 1000 человек. Их сходство заставляло думать об исполинском лоне, сумевшем породить стольких детей, до ужаса похожих друг на друга. В зале сидели с красными блокнотами узбеки и туркмены, казахи и русские, азербайджанцы и биробиджанцы. Были почетные гости из Прибалтики, Кубы и Африки.

Это был ленинский форум.

Среди делегатов с мандатом № 666 находился Ваня Чмотанов.

В примолкшей столице, подавленной грохотом шестидневной войны Слепцова и Глухих и неумолимым комендантским часом, циркулировали слухи. Однако воскресение показалось горожанам немножко преувеличенным. Они с жаром приняли версию о том, что прах, по всей видимости, продан за границу на валюту.

— Почему бы и нет? — рассуждали обыватели. — Газ продаем? Продаем. Нефть? Лес? Икру? Водку? Картины? Иконы? Рукописи? Книги? Фильмы? Романы?

— Почему бы и нет?

— Ну что уж так, Петр Христофорович. Святыня. Знамя нации.

— Хе-хе, Пал Пальч, куда хватили, хе-хе!

Мавзолей пустовал. Естественно, официально об этом молчали.

— Товарищи! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои! — начал Генеральный секретарь. — Близится великое торжество. Мы должны прийти к нему, как всегда и все как один. Бесконечно благодарны мы великому, гениальному, но вместе с тем и самому простому человеку. Он — самый простой гений всех времен и народов. Свет его идей озарил, с одной стороны, все континенты, а с другой стороны, затмил все другие идеи. Все мы должны ясно осознать это. Если бы не было Его, что было бы с нами сейчас? Я лично работал бы простым землекопом. Благодаря новым идеям я получил все, что я теперь имею. Мы воочию видим всепобеждающую силу его учения, потому что оно верно.

И вот мы пришли к самому большому празднику на земле. Его будут отмечать все народы. Можно сказать, что если взять любого другого человека, даже оставшегося в памяти потомства, то он просто клоп по сравнению с Ним, его не разглядишь и в самый сильный телескоп, к сожалению, американский. Мы должны ясно осознать это. Перед вами, товарищи, стоит важная и нужная задача, а именно: найти здесь, в этом зале, того, кого природа сделала похожим на Него как две капли воды. Он должен быть товарищем идейно зрелым, морально кристальным. Так-то, товарищи. Ему предстоит большая работенка.

Бурно аплодировали делегаты и эксперты. Зал буквально взорвался песней «Ленин в тебе и во мне».

В перерыве рванулись к буфету. Мгновенно набили сумки, портфели и мешки разнообразной снедью. Многие делегаты познакомились и подружились.

— А ты откуда? интересовался рыжеватый плешивый делегат с татарскими чертами лица у седоватого плешивого делегата с острой бородкой.

— Я, значит, с Урала. Приходит повестка из военкомата: с вещами. Баба моя струхнула, война, говорит, с китайцами. Ничего, говорю. Ан нет — никакой войны, сюда привезли на самолете. Под суд, думал, пойду. Ну, а у вас как там?

— С мясом плохо.

— А у нас с посудой.

— Так у нас и с водкой плохо.

— Это что! У нас и вина не найдешь, самогонку варим из табуреток.

— А у нас ботинки поди купи.

— Ботинки! Я в кепке всю зиму хожу, шапки ни за какие деньги не найдешь.

— Шапка! У нас попробуй картошки достань!

— Картошка. У нас водопровод поломался, три месяца снег таяли чаю попить.

Прозвенело в третий раз. У дверей в зал дежурили эксперты. Явно неподходящих мягко останавливали и делали знак товарищам в штатском.

В вестибюле стоял стон. Безжалостно вытряхивали из мешков и портфелей продукты и относили снова в буфет. У подъездов Дворца фырчали автомобили. Не пригодившихся кандидатов увозили на вокзалы и в аэропорты, вручив три рубля и билет до места жительства.

Бурно негодовал Ленин с Урала, когда отобрали у него шапку, ботинки и семь килограммов колбасы. Ильичи посмекалистее выносили пищу под платьем.

Уцелело после селекции всего двести человек.

Их по одному заводили в комнату, где заседала комиссия экспертов под председательством академика Збарского. Приглашены были врачи, художники и старые большевики. Если кандидат не подходил (то есть получал менее 20 баллов), председатель поднимал красный флажок; кандидата уводили направо в коридор. В благоприятном случае — вверх налево по лестнице.

Ввели, наконец, Ваню Чмотанова.

— Чудесный экземпляр! — громко прошептал профессор Сухин.

— На редкость, на редкость, — согласился доктор Лунц.

— Самородок! — поддакнул живописец Трезоркин.

— А вы что скажете, Марья Конспиратовна? — спросил Сухин старую большевичку Пролежневу.

— Вылитый Владимир Ильич! — сказала старушка, поднося к носу немецкий лорнет.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

— Он. Как сейчас помню... Ах, я тогда была молода, и за мной ухаживал шикарный ротмистр... забыла его имя... Малиновский, кажется. Знаете, как в старое время, с усами и саблей. И вот однажды в Мариинском театре, представьте себе, на сцене светло, а в зале темно. И мы сидим с ним в ложе...

Збарский наклонился к Пролежневой и зашептал что-то на ухо.

— Да, да, конечно. — Спихватилась Марья Конспиратовна. — И вот я решила во что бы то ни стало встретиться с Ульяновым. Я поехала в Берлин. Приезжаю, а мне говорят: Тулин в Париже. Тулин — это кличка Владимира Ильича. Я еду в Париж, страшно волнуюсь, а мне говорят: он в Баден-Бадене. Я сажусь на поезд, приезжаю в Баден-Баден... увы! Он, говорят мне, в Женеве. Я немедленно ночным скорым выезжаю в Женеву. Прихожу в клуб социалистов, и мне навстречу выходит чудный мужчина, с усами, точь-в-точь мой ротмистр. Я говорю: здравствуйте! Ну, и пароли, конечно, все чин-чином. Он спросил меня о революционных настроениях в России, о тяжелой жизни пролетариата. Чудесно поговорили. И он провожает меня до гостиницы, настоящий джельтмен! Мы прощаемся, он целует мне руку, — о, чудный, чудный! — и я говорю: до свидания, Владимир Ильич. А он засмеялся и говорит: «Я — Красин». Как, говорю? — Вы, наверное, имели в виду Владимира Ильича? — Да! — Так он сейчас в Лондоне. — Вы представляете? Денег до Лондона у меня уже не было, пришлось вернуться в Петербург.

— Так Вы не встречались с Владимиром Ильичей? — раздраженно спросил Збарский.

— Очень сожалею, но не пришлось.

Лунц скрипнул зубами.

— Красин тоже был хороший большевик! — заволновалась Пролежнева.

— Следующий! — крикнул Збарский и заметил, провояжая взглядом Чмотанова. — Вряд ли встретим лучший экземпляр.

Комиссия выбраковала человек десять, когда вошел коренастый, широкоплечий, с заложенной в карман рукой писатель Токтоболот Абдомомунов.

— Он... он... он... — зашелестело в комиссии. Да, это был живой Он. И никто другой. Лукавая, смотрели раскосые глаза. Торчала борода клинышком.

«Вдруг грим?» — подумал Эбарский и невольно спросил: — Не хотите ли умыться?

— Зачем? Савсем чыстый, — улыбнувшись широкой ленинской улыбкой, ответил Токтоболот.

— Ваш мандат? — ласково сказал Сухин.

Мандат Абдомомунова значился под № 317. Он получил высшую оценку — 40 баллов.

— Очень хорошо, Токтоболот. Вам бы лет на 100 раньше родиться. Еще неизвестно, кто бы Лениным был... — сказал Эбарский кандидату № 1.

...В глухой комнате без окон при одной запертой двери собралось семеро Лениных.

— Не нравится мне это, ребята. В тюрьму попали, — нарушил молчание Чмотанов.

— Хватил! Вон жратвы сколько набрали, на месяц.

— В начальство пойдем, должно быть. Смотри, какие костюмчики, как на фотках в «Правде».

Пол заскрипел в коридоре, и дверь распахнулась. Вошли врачи в белых халатах.

— Товарищи. Быстренько пройдем медосмотр. Всем раздеться. — Негромко приказал д-р Лунц.

— Совсем? — злобно спросил Чмотанов. «Ясно, шмон будет», — подумал он с яростью.

— Да. Побыстрее.

Перед врачами стояли голые копии вождя. Мерили рост. Взвешивали. Выслушивали.

— Сердечко у Вас пошаливает? — весело спросил Сухин у номера триста семнадцатого.

— Есть нэмного, — встревожился Токтоболот.

— Ничего, ничего, — успокаивал врач. — Вам это не поме-шает!

— № 666! Будьте добры, нагнитесь. Так. Теперь...

Чмотанов, не дожидаясь команды, раздвинул ягодицы, подумав: «Сядем».

Д-р Лунц остро взгляделся в волосатую темноту и сделал запись в вахтенном журнале.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

— Следующий!

Врачи осмотрели всех и ушли с богатым эмпирическим материалом.

Каждый член отборочной комиссии получил семь билетов с номерами кандидатов. На нужном билете следовало поставить крест.

Голосование было тайным, на сто процентов демократическим, что бы там ни кричали разные «голоса» и их подпевалы.

В присутствии особой ревизионной комиссии вскрыли урны и огласили результаты.

Пятеро получили по одному кресту. Чмотанов собрал три. Абдомомунов — 37 крестов. Конкурс на вакантное место завершился с большим успехом.

В банкетном зале Дворца шевелилась человеческая масса. Правительство, члены комиссии, семеро кандидатов, представители общественности, писатели, космонавты, спортсмены, прогрессивные журналисты и друзья нашей страны.

Множество было тостов. Закусывали от души. Щелкая каблуками, сновала обслуга. Компетентные лица многозначительно переглядывались.

В кремлевской кухне стоял отдельно поднос с семью бока-лами.

Д-р Лунц вошел в сопровождении ассистента, несшего маленький баульчик.

— Будьте добры, наполните бокалы шампанским. — Приказал доктор дворецкому.

— Сию минуточку-с.

Шипя, золотистое вино лилось из толстогубых бутылок.

Вошел переодетый официантом мужчина. Суровый шрам пересекал его лоб.

— Оставьте нас одних. — Распорядился доктор.

Он расстегнул баульчик и достал широкогорлый флакон оранжевого стекла с притертой пробкой. Надев резиновые перчатки, он извлек пинцетом прозрачный кристалл.

Мгновение пинцет помедлил... и выронил вещество в бокал. В лилию из ниток пузырьков обратилось оно. Кристалл исчез. Токи винного газа поднимались со дна бокалов. Отличить было невозможно.

— Запомнили, молодой человек, в каком именно? — с коротким смешком спросил доктор агента.

— Так точно! Справа, второй по часовой стрелке.

— Прошу вас, маэстро! — улыбнувшись, врач в белом халате похлопал агента по плечу и подтолкнул его к подносу.

В дверях банкетного зала показался ловкий молодой официант. Академик Збарский оживился.

— Дорогие товарищи! Позвольте мне предложить самый главный тост — за того, чье имя живет в веках!

Хлопнули пробки. Изыячно лавируя, официант подошел к стайке кандидатов. Они чувствовали себя несколько стесненно в роскошной обстановке дворца.

— Прошу вас!

Все разобрали бокалы. Чмотанов мрачно курил.

— А что же... Вы?

— Я только крепкое пью, — сказал Ваня. — Этого не принимаю.

«Вот черт! Нужен ты нам, собака!» — выругался в душе агент, но улыбнулся:

— Вы нас не уважаете? Нехорошо! Не обижайте нас, попробуйте! Из лучших погребов дружественной нам Франции. И потом... особый тост. За Ленина!

Чмотанов смял сигарету и залпом выпил.

Глубокой ночью разбредлись спать тут же, во дворце.

Врачи, почти не пившие, собрались в смотровой комнате.

— Я думаю, Абдомомунов уже готов. Подождем для верности еще полчаса, — заметил д-р Лунц, сравнивая пилочкой заусенец на очень красивом ногте.

В пять утра шестеро взрослых мужчин в белых халатах шли гуськом по слабо освещенному коридору.

— Он здесь, — тожно сказал Збарский и нажал на дверь. Она не поддалась. Д-р Лунц вынул отмычки и моментально открыл замок.

В комнате храпели. С неприятным чувством врачи включили свет в прихожей. На диване, разметавшись, спала уборщица этажа Капа.

— Что за черт! — шепотом сказал Сухин.

— Тихо! — сжал ему руку Лунц.

Рядом с Капой под одеялом виднелись очертания еще одного человека.

— Бедный. Он словно чувствовал и торопился вкусить последние радости, — прошептал с умилением Збарский.

— А каково ей, этой женщине. Вдруг проснуться рядом с трупом, — сказал Сухин.

— Смерть в твоей постели, это ужасно, — подтвердил д-р Лунц.

Врачи приблизились и осторожно приподняли одеяло. Лицом в подушку, нелепо расставив ноги, лежал Токтоболот Абдомомунов, № 317.

— Взяли! — скомандовал Збарский.

Жаркими руками взялись эксперты за труп и понесли. В полутьме неловко ткнули его головой в шкаф.

В тот же миг труп ожил в их руках и вырвался. Благим матом заорали врачи в белых халатах, никогда прежде не терявшие присутствия духа. Эксперты, споткнувшись, попадали сверху на Токтоболота и образовали бушующую кучу мала.

— Это провокация! — слышались задушенные голоса.

Первым вылез совершенно голый Абдомомунов. В ужасе таращил он глаза на беспорядочную свалку. Охая, хватаясь за бока, от месива светил отделился акад. Збарский. Голая Капа, уборщица, в панике нырнула под кровать. Там же укрылся, хватаясь за сердце, № 317.

— Это что же, уважаемый коллега Лунц, вы ему aspirini всыпали? — ехидно спросил Сухин у Лунца, когда, оправившись, доктора стояли на ногах.

Лунц обескураженно молчал.

— Отвечайте, Лунц! — со злобой сказал Збарский. — Диверсия, значит? Под суд захотели? Мы вас в ваш институтик и запрем!

— Что вы... ради Бога! — Лицо Лунца позеленело. — Я прописал настоящий sublimate... обязуюсь... выполнить и перевыполнить...

Лунц в белом халате упал на колени и умоляюще протягивал руки к коллегам. Но что могло спасти Лунца?

О, улыбка судьбы! Как часто, отняв у человека последнюю надежду, ты даруешь ему спасение!

Страшный глухой крик донесся из-за стены. Медленный, но сильный яд одолел, наконец, железный организм Вани Чмотанова.

Лунц был спасен.

22 апреля ровно в 11 утра открылся для доступа мавзолей. Тысячные толпы непосвященных и тех, до кого дошел невероятный слух, в сапогах, ботинках, калошах и без калош, повалили на Красную площадь.

На подушках лежал Он. Наличествовали все части тела.

Люди, подгоняемые повеселевшей охраной, шли и старались задержаться на секунду дольше, чтобы навсегда сохранить в памяти дорогие черты самого человеческого, самого простого и гениального человека — Ивана Гавриловича Чмотанова.

Вечером того же дня грянул салют. Заплясала Москва. Запели и заплясали все города мира. Ликовал весь земной шар.

Мало того. По б. Тверской катили бочки с бесплатным пивом. На площадях громоздились лотки с бесплатными бутер-бродами.

Стоп. Здесь начинаются недопустимые для исторического свидетельства домыслы, а ведь честное, незапятнанное имя для меня дороже всего.

Москва
Апрель 1970

Постскрипtum

Наверное, поклонникам моего творчества, знающим, что я давно уже приравнял перо к винтовке, это произведение показалось необычным и из ряда вон выходящим. Что за фантазия? — спросит читатель. — Вместо прежней ясности всех установок — полная запутанность и даже непонятные намерения.

А случилось со мной вот что.

В ночь на 1 февраля этого года я проснулся и не мог долго заснуть. Болело сердце. И раньше непонятное чувство мешало мне писать. Теперь оно мешало даже спать. Я зажег лампу и принял сердечные капли.

Утром проснулся, позвонил в редакцию, в издательства и сел работать. Только я приступил к писанию очередного романа, как страшно заболело сердце и случился инфаркт.

После больницы я пишу по-другому.

Сплю хорошо, сердце не болит, настроение прекрасное. Такова врачующая сила литературы.

Прошу считать меня автором только этой вещи, пока единственной. Прошу забыть, что ранее мною написаны многочисленные и даже популярные романы.

Такова моя авторская воля.

*Всеволод Кочетов**

* Ныне его имя забыто, а в 70-е годы борзописец момента, партийный романист Кочетов был у москвичей на устах. Нам показалось смешным зацепить и его, приписав ему «Смуту». — *Н.Б.*

Приложение

Николай Бокон

**КАК БЫЛА НАПИСАНА "СМУТА НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ, ИЛИ УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА".**

"Быть может, однажды станет известно — ибо неисповедимы тайны "двоемыслия", — говорится в предисловии к французскому изданию повести,* — что если "Смута новейшего времени" и не принадлежит к числу произведений Кочетова, то она написана другим, похожим на него, как родной брат, занимающим столь же прочное положение в обществе. И тогда "смельчак на миг" приобретет паспорт в будущее".

Дело, разумеется, обстояло иначе, и теперь о нем можно рассказать. В конце 60-х годов анекдоты о Ленине уже были в ходу: интеллигенция переставала глубокомысленно рассуждать об "извращении Ленина" (чем занимался и автор этих строк в начале 60-х годов). Наоборот, поверженный идол превратился в предмет насмешек.

В начале 1970 года мне пришлось повести знакомого ребенка в мавзолей Ленина в Москве. Выходил я оттуда столь же ошеломленным, как позднее и Ваня Чмотанов в "Смуте": в саркофаге лежал если не миллион, то все-таки сюжет, — замечательно острый, в мгновение ока разраставшийся в повесть-памфлет.

Я рассказал о проекте Иксу (хотя с некоторых пор он находится в безопасности, однако просит не называть его имени, — может быть, потому, что участие в написании "Смуты" было его первым и, вероятно, последним прикосновением к литературе).

Последовавшую за тем устную разработку сюжета я вспоминаю, как одно из лучших времен в моей жизни: неожиданный поворот темы — а они следовали один за другим — вызывал новый приступ смеха. Мы хохотали до слез, задыхаясь, вполне "держась за животики". О, годы молодости! — скажу я сейчас не без грусти, — сколь близким казалось падение нелепого государства, и как мы предвкушали свободу — и мы оказались в свободе, пока писалась "Смута" — еще до всяких откровенных конфликтов с режимом, до эмиграции.

* Les troubles des temps actuels, ou les étonnantes aventures de Vania Tchmotanov. La Quinzaine littéraire, P., 1972.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

"Смута" была написана за две — много три — недели, — на мой вкус, слишком быстро. Соавтор подчас противился моей "разнузданной фантазии". Так выпала сцена, где Генсеку являлась Партия — в виде симпатичной старушки в белом платьице.

Оставалось решить, каким образом отдать повесть в Самиздат с тем, чтобы не распространились сведения об авторстве. Надежность хранения секрета тем ниже, чем больше число людей, им обладающих, это известно. Исключались друзья и родные: как им избежать соблазна вдруг поговорить об этом между собой, — а ведь стены становились с каждым годом все тоньше. И если моим друзьям доведется прочесть эти строки, то я надеюсь, что они поймут и простят: дело шло не о "недоверии" к ним, а об определенных "правилах" и в самом деле подпольного писательства.

Были вещи и потоньше. Вряд ли, например, я решился бы показать "Смуту" покойному Соковнину: мне казалось, что для него это "низкий жанр", имеющий в общем-то лишь косвенное отношение к искусству.

В конце концов, я оказался в выгодном положении: я слышал мнения о "Смуте", высказанные с полной откровенностью — и говоривший не подозревал, что автор-то перед ним. Случалось слушать и пересказы "Смуты" — и сколько новых (устных) вариантов я узнал! Иногда молва "усиливала выражения" до полной непечатности.

Читая материалы суда над Буковским в 1972 году, я нашел, и такой вариант, по-видимому, "Смуты", рассказанный провокатором: "Один раз пришел какой-то студент МГУ и читал при мне пасквиль, в котором описывается, как какой-то бродяга издевается над нашими вождями и над В.И. Лениным".

И публика, и чекисты искали автора — с разными, разумеется, намерениями. О том, что такой-то писатель "Смуту" и написал, причем это "абсолютно достоверно", — я слышал по крайней мере трижды. Конечно, у публики было больше шансов найти автора. Например, со временем я совершенно забыл, что рассказ большевички Пролежневой в "Смуте" о том, как она так и не встретилась с Лениным, был в свое время отработан как "устный скетч" на какой-то вечеринке с выпивкой, закуской и непременно состязанием в остроумии. Спустя несколько лет один участник собрания сказал мне при случае, что, видимо, "Смута" написана мною, — он запомнил тот вечер и опознал эпизод с Пролежневой в повести. Я пожал плечами и неопределенно хмыкнул. Знакомый остался доволен таким ответом, и дело дальше не пошло. Может статья, догадывались и другие, но не спешили удовлетворять праздное любопытство. Им я особенно благодарен: они берегли писателя.

Издания «Смуты Новейшего Времени»

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ

- [Боков Николай, Петров Борис.] Смута Новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова. М.: Самиздат, 1970.
- Смута Новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова // Русская мысль (Париж). 1970. 26 ноября.
- Смута Новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова. Paris: La Presse Libre, 1970.
- Смута Новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова. London: Flegon Press, 1970.
- Смута Новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова. Frankfurt am Main: Possev-Verlag, 1970 [*].
- Смута Новейшего времени, или Похождения Вани Чмотанова // Конец века (Москва). № 1. 1991, февраль. С. 156—203.
- Николай Боков, Борис Петров. Смута Новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова // Литературный европеец (Франкфурт-на-Майне). №№ 117 и 118. 2007, ноябрь-декабрь; № 119. 2008, январь.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ

- Les Troubles des Temps actuels, ou Les étonnantes aventures de Vania Tchmotanov. Paris: La Quinzaine Littéraire, 1972.

[*] Издание не было включено в официальные каталоги НТСовского издательства «Possev-Verlag».

- (anonym) Smuta najnowszych czasów czyli Zdziwiająca przypadki Wani Czmotanowa. ANTY/K/. Lublin — Śląsk — Warszawa (без даты).
- Samizdat: Troubles of Recent Times or The Amazing Adventures of Vanya Chmotanov. In: Survey. A journal of East&West studies. Spring 1971, Vol. 17 N°2. London, Oxford University Press.
- Nicolas Bokov. La Tête de Lénine. Robert Laffont, Paris, 1982.
- Nikolaj Bokov. I nuovi torbidi ovverossia le mirobolanti avventure di Vanja Čmotanov. Jaca Book, Milano, 1983.
- (anonym) Wirren aus neuester Zeit oder Die erstaunlichen Abenteuer des Wanja Tschmotanow. Diogenes Verlag, Zürich, 1972. — **1983**: *eine neue Ausgabe mit dem Namen des Nikolaj Bokows.*

НИКОЛАЙ БОКОВ,
БОРИС ПЕТРОВ

**БЕСТСЕЛЛЕР САМИЗДАТА № 2,
или
САМАЯ ДОЛГОИГРАЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ
МИСТИФИКАЦИЯ XX ВЕКА**

Великая проза будущего фантастична
по содержанию и виртуозна по исполнению.

Кто-то из классиков

1 970 год, в СССР «юбилейный» (100-летие Ленина), стал поистине эпохальным для русской литературы. Осенью в её истории возник четвёртый по счёту лауреат Нобелевской премии, тогда как весной один за другим произошли собственно творческие акты. 6 марта в Подмоскovie поставил заключительную точку в своём сочинении «По маршруту электрички Москва — Петушки» бездомный и беспаспортный алкоголик Веничка Ерофеев. Прошло полтора месяца, и в апреле тот же акт завершения осуществили в Москве двое с виду вполне благополучных молодых людей — аспирант философии Николай Боков и журналист Борис Петров. Созданная ими рукопись тоже называлась затейливо — «Смута Новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова».

Сочинение никому до сей поры не ведомого Ерофеева, подвизавшегося после последовательного изгнания из четырёх высших учебных заведений на кабельных работах в окрестностях Москвы, быстро разошлось, «благо было в одном экземпляре». Утратив рукопись, автор восстановил ее по черновикам, затем отдал в тиражирование, в процессе которого подсократился и текст (за счёт изъятия главы, сверх меры наполненной инвективной лексикой), и название. Попутно обретя эффектный жанровый подзаголовок — поэма — «Москва — Петушки» пошла в народ и за долгие годы обращения в (анти)советской неподцензурной литературе завоевала прочную репутацию самиздатского бестселлера номер Один.

Произведение Бокова и Петрова, также запущенное в Самиздат, — только без указания имён его создателей, — обрело судьбу не менее примечательную. Всего полгода спустя после написания (по тем временам — со скоростью совершенно невероятной) оно было опубликовано на Западе — в эмигрантской прессе в Париже. Затем последовали издания в виде русскоязычных книг — одно, другое, третье. Зашевелились иностранные издатели — в Западной Германии, в Англии, во Франции...

Лубянка обомлела. Кто посмел?! Подать сюда этого Щедрина наших дней — доктор Лунц им уже давно интересуется! Однако зацепок не было. Текст — циркулировал, автор — отсутствовал.

Первым делом, конечно, пригласили того, чьим именем литературные хулиганы прикрылись — союзписательского

начальника, главного редактора журнала «Октябрь», автора тогда уже забытых пустотелых «кирпичей» вроде «Журбиных», «Братьев Ершовых» и «Секретаря обкома», но скандально-нашумевшего просталинского романа-памфлета «Чего же ты хочешь?», Всеволода Кочетова.

Стойкий сталинист был вне себя. Попадись ему тот, кто сей пасквиль настрочил! Да что ж это такое! Ничего подобного при Сталине и быть не могло!

В 5-м Отделении поспешили завершить рандеву.

Ушёл Кочетов с Лубянки обнадёженным. Однако шли дни и проходили месяцы, а родное ведомство топталось на месте. Само оно находить подпольных писателей не умело (единственный успех — поимка в 1965 году Абрама Терца и Николая Аржака¹ — был целиком и полностью на совести их западных издателей, допустивших утечку информации на стадии редакционной подготовки текстов, полученных из Советского Союза), а стукачи из околотературной среды, на которых и была вся надежда, разводили руками: нет информации. Ее и не было. Никто в ресторане ЦДЛ в подпитии не хвастался, что он-де знает, кто «эту хреновину» написал, только — тс-с-с-с, никому! — зато едва ли не каждый «либерально» издевался над «Кочетом» — так ему, мол, и надо...

¹ Псевдонимы, под которыми в 1956—1965 годах публиковались на Западе Андрей Синявский (1925—1997) и Юлий Даниэль (1925—1988), в 1966 г. получившие за свою неподцензурную литературную активность пять и семь лет политлагерей строгого режима соответственно.

Малый классик соцреализма впал в тяжкую депрессию. Вскоре начались проблемы со здоровьем. Диагноз оказался непоправимым. Канцер уничтожал организм хотя и медленно, но неуклонно. Человек, всю свою сознательную жизнь источавший ненависть, душивший и топтавший всё талантливое, что с огромным трудом пробивалось тогда «из-под глыб», жестоко страдал. И не выдержал. 4 ноября 1973 года Кочетов взял охотничье ружьё, загнал в ствол патрон и взвёл курок.²

Не исключено, что кое-где на «либеральных» кухнях и злорадствовали по поводу столь неожиданного оборота дел «в правом стане».

Совсем другие чувства владели подпольными авторами. В случае разоблачения грозило им известно что. А именно, статья 190-прим Уголовного кодекса РСФСР: «распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». От года до трёх общего режима. С уголовниками на нижних нарах. Это — если повезёт. В противном случае — сначала койко-место в секретно-политическом отделении IV-E Института имени Сербского (том самом, с докторами Лунцем, Ландау и их коллегами в белых халатах), затем — такое же место в одной из спецпсихушек. Ежели кто

² Советская власть отметила это самоубийство выпуском собрания сочинений Кочетова. Не так давно автору этого текста довелось видеть все шесть томов — в идеально-нечитанном состоянии — возле мусорного контейнера.

подзабыл или вообще, по молодости лет, «не в теме» — почитайте хотя бы мемуары Леонида Плюща³.

«Контора Глубокого Бурения» хоть и медленно, но свое дело делала. На четвертом году самиздатского существования «Чмотанова», в 1974-м, уже исключенным из университета Николаем Боковым занялись вплотную. Пять обысков в один день, по месту прописки и в квартирах, где он бывал. Задержание кузена Константина (ныне в Нью-Йорке) под угрозой пистолета. Тридцать шесть лет спустя он в Париже вспоминал об этом так:

«Мне заявили, что моё „дело“ тянет на четыре года и посоветовали серьёзно поразмыслить над своим поведением. Видавшие виды друзья сказали, что мне везёт, что четыре года — это самый удачный срок: и тюрьму познать, и не сломаться». На следующем допросе гэбисты заговорили о возможном помещении в спецпсихбольницу. И тут же намекнули: „Да, кстати: почему бы вам не поехать посмотреть мир? Вам же всегда этого хотелось?“

Боков сознавал, что в плане писательства ему, попавшему «под колпак» КГБ, ничего не светит. А в плане попасть за колючую проволоку — более чем.

В апреле 1975-го Боков с женой покинул пределы СССР — с тем, чтобы через Вену оказаться в Париже. Где с тех пор вот уже тридцать семь лет и пребывает в статусе международно известного зарубежного русского писателя.

³ *Плющ Леонид*. На карнавале Истории. London: OPI Ltd., 1979.

Судьба Бориса Петрова сложилась иначе. В поле зрения тайной полиции соавтор «Чмотанова» не попал. Эрго: к ответственности не привлекался. Жизнь прожил неотличимую от абсолютного большинства советскоподданных. В последние годы сильно бедствовал, болел, и умер, как часто случается с умными людьми в России, в нищете 11 марта 2003 года в возрасте 66 лет.

Однако соавтором самиздатского шедевра Петров был признан еще при жизни.

На Западе Николай Боков более двадцати лет хранил в секрете имя своего соавтора, называя его не иначе как «Икс». И только в 1999 году, вернувшись к активной литературной деятельности после пятнадцатилетнего периода странствий и бродяжничества, начавшегося в результате глубочайшего религиозного переживания, известного как метанойя, и обращения в христианство, Боков впервые опубликовал имя своего московского соавтора. Так завершилась эта, пожалуй, самая долгоиграющая мистификация в истории российской литературы минувшего столетия.

Впервые на исторической родине Николая Бокова «Смута Новейшего времени...» официально (то есть не в Самиздате) была опубликована в канун распада СССР. В этом более чем смутном 1991 году, когда «империя Зла» доживала последние месяцы, стремительно разваливаясь на части, абсолютному большинству её обитателей было совсем не до изящной словесности. «Смута...» появилась в 1-м номере

литературного альманаха «Конец века», созданного в конце 90 года группой прогрессивно мыслящих московских литераторов (Александр Никишин, Юрий Калещук и др.) . Причем, появилась точно так же, как и во всех предыдущих эмигрантских изданиях, то есть — анонимно. Издатели альманаха понятия не имели о том, кем написана была «Смута...». А если даже имели, то, не представляя, где и как их искать, не могли заручиться согласием соавторов на переиздание в СССР. В редакционной предисловии к публикации знаменитого самиздатского бестселлера номер Два составители альманаха писали:

«Обращаясь „Смуте Новейшего времени“, мы преследуем двоякую цель — снять пресс запретности с ещё одного талантливого произведения и посылить упредить те события, которые в фантастическом предсказании автора, пожелавшего остаться неизвестным, могут грянуть на головы подуставшего от политических свар народа».

Как в воду глядели: не прошло и полугода, как фантастическое предсказание «пожелавшего остаться неизвестным» автора обрушилось на головы — не только подуставшего народа, но и на их собственные. Стремительно нараставший в постсоветской России дефицит всего — не только продовольствия и туалетной бумаги, но и бумаги типографской, а также рост цен на полиграфические услуги — поставили периодические издания перед необходимостью борьбы не за увеличение тиража, но за выживание. Десятки возникавших в ту пору изданий в одночасье превращались в библиографические

раритеты по причине своего мгновенного исчезновения. Не минула участь сия и альманах «Конец века», продержавшийся года три и выпустивший шесть номеров. Но главную свою задачу альманах выполнил: 50-тысячный тираж его дебютного номера познакомил мыслящую аудиторию с замечательным произведением, которое по праву считается одним из самых выдающихся памфлетов на советский режим, терроризировавший Россию на протяжении большей части XX века.

Что любопытно: сам Николай Боков узнал о факте той официальной и, формально все еще подсоветской публикации только два десятилетия спустя, в процессе подготовки нового издания, которое вы, уважаемый читатель, держите в руках, — а сообщил ему об этом автор этих строк...

Павел Матвеев

Март 2012

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 29. *Эпиграф* — строки из трагедии «Борис Годунов» (1825). Создана А. С. Пушкиным под впечатлением от сочинения историка Николая Карамзина «История Государства Российского». Сюжет пьесы вращается вокруг несчастливого царствования Бориса Годунова (1598-1605), в конце которого в Московском царстве началась череда потрясений, а затем и полномасштабная гражданская война 1604-1613 гг., поставившая государство на грань гибели. Этот период вошёл в историю России под названием Смутного времени.

«Борис Годунов» считается самым популярным из всех драматических произведений А. С. Пушкина, не утратившим своей актуальности и сегодня, почти через два столетия после её написания.

С. 31. *Голоколамск* — имеется в виду городок Волоколамск, районный центр Московской области. Находясь за пределами запретной для проживания ранее судимых советских граждан стокилометровой зоны вокруг столицы, Волоколамск (наряду с Коломной, Можайском и Александровом Владимирской области), в коммунистические времена служил прибежищем разного рода «подозрительного элемента». Значительную часть 15-тысячного (в 1970 г.) населения Волоколамска составляли вышедшие на волю лагерники и административно высланные «на 101-й километр» из Москвы.

С. 32. ...*им. Урицкого*. — Моисей Урицкий (1873-1918) — большевик (перебежавший из меньшевиков), один из организаторов Октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде. С марта 1918 г., после бегства главарей большевистского режима в Москву, возглавлял Петроградскую ВЧК. Под руководством Урицкого чекисты развернули в городе террор против мирного населения, не желавшего признавать легитимность узурпаторов власти. 30 августа 1918 г. застрелен поэтом Леонидом Канегиссером (1896-1918, расстрелян). Большевики провозгласили

убитого чекиста «мучеником революции» и всячески старались увековечить память Урицкого, называя его именем городки, площади, улицы, переулки, а также различные заводы, фабрики и прочие учреждения, не имевшие к жизни «мученика» ни малейшего отношения.

С. 33 *...который пошёл другим путём.* — Согласно широко распространённой в коммунистические времена официальной легенде, 17-летний Владимир Ульянов, узнав о казни (через повешение) своего старшего брата Александра (1866-1887), осужденного по обвинению в подготовке царубийства — покушения на жизнь российского императора Александра III Миротворца — воскликнул: «А мы пойдём другим путём!» По толкованию советскими пропагандистами-интерпретаторами, смысл этой якобы произнесённой молодым Ульяновым фразы состоял в том, что он изначально отверг для себя и своих соратников по будущей пролетарской революции метод индивидуального террора, который исповедовали террористы-народовольцы, в том числе и его старший брат. Вне зависимости от того, была ли в действительности произнесена эта фраза или нет, будущее показало, что Ульянов-Ленин и его приспешники действительно пошли другим путём: после захвата власти в России в 1917 г. они взяли на вооружение метод террора массового.

С. 33. *...культурно-воспитательной части.* — КВЧ — советская тюремно-лагерная аббревиатура от: «Культурно-воспитательная часть». В обязанности лагерной КВЧ в числе прочих мер, направленных на «перевоспитание и исправление» осужденных, входило устройство их досуга, например, создание силами заключённых непрофессиональных театров, репертуар которых должен был состоять исключительно из пропагандистско-патриотических пьес.

С. 33. *...в густых очередях ГУМа.* — В послевоенные годы антисоветски настроенная часть населения СССР называла его «страной победившего дефицита». В условиях тотального отсутствия самых обыденных вещей — например, шампуня или туалетной бумаги — люди были вынуждены постоянно изворачиваться, чтобы как-то добывать необходимые товары. Важнейшими понятиями в жизни подавляющего большинства советских людей были термины «блат», «достать», «схватить», «урвать», «дают», «выбросили» и т. п. За любым дефицитным товаром, который время от времени «выбрасывали» на прилавки больших промтоварных магазинов в столице или иных крупных городах СССР, особенно если

товар был иностранного (импортного) происхождения, мгновенно выстраивались километровые очереди. Соответственно, такие очереди представляли собой поистине идеальное место для работы воров-карманников, орудовавших в них под видом озабоченных покупателей.

С. 35. *Рокфеллер, в газетах пишут...* — Имеется в виду некий обобщенно-мифический западный — американский — миллиардер-сумасброд.

Бухенвальд — нацистский концентрационный лагерь в Тюрингии. Основан летом 1937 г. За период с июля 1937 по апрель 1945 г. через Бухенвальд и его многочисленные филиалы прошло примерно 240 000 немецких граждан и военнопленных из стран антигитлеровской коалиции; около 57 000 из них (24%) погибли, оставшиеся в живых были освобождены союзными войсками. Затем лагерь, попавший в советскую оккупационную зону Германии, был передан в ведение НКВД, развернувшего на территории Бухенвальда концлагерь для арестованных нацистских преступников и противников осовечивания Восточной Германии. Через советский Бухенвальд, просуществовавший пять лет (1945-1950), прошло примерно 28 500 заключённых, в абсолютном большинстве немцев и австрийцев, более 7 000 из которых (25%) погибли.

С. 35. *...на Минаевской толкучке.* — Имеется в виду московский Минаевский колхозный рынок в Марьиной Роще, имевший в те времена репутацию места, на котором можно купить или продать всё что угодно — в том числе и такую совершенно невообразимую для простого советского человека вещь, как баллончик со сжатым усыпляющим газом.

С. 38. *Остогожнее, товагици! Дегжите погох сухим.* — Отсюда и далее: соавторы намеренно акцентируют присущую Владимиру Ульянову врождённую картавость — примерно с той же целью, с какой антисоветски настроенная часть населения СССР в 1970-1980-е гг. издевательски пародировала в анекдотах неразборчивую дикцию Леонида Брежнева («сиськи-масиськи», «сосиськи страны» и т. п.). Коммунистическая пропаганда никогда не признавала наличие у своих вождей каких бы то ни было речевых дефектов, за исключением явно выраженного грузинского акцента у Сталина.

С. 39. *...Кузьмичи мерещатся...* — Имеется в виду одна из наиболее странных и загадочных в российской истории XIX века личностей — легендарный старец-отшельник Фёдор (Фёдор) Кузьмич (1776?-1864), объявившийся в 1836 г. в Пермской губернии без документов, сосланный как бродяга в Сибирь и скончавшийся в Томске 20 января (1 февраля) 1864 г. С середины XIX века в народе получила устойчивое распространение версия, что Фёдор Кузьмич в действительности является не кем иным, как бывшим императором России Александром I Благословенным, утомившимся от несения креста отцеубийцы и ушедшего от власти путём фальсификации собственной кончины в 1825 году.

При пиратской публикации повести в британском издательстве «Флегон Пресс» (Смута Новейшего времени, или Удивительные похождения Вани Чмотанова. London: Flegon Press, 1970) публикаторы посчитали необходимым снабдить этот пассаж специальным примечанием:

«Император Александр I, победитель Наполеона, простудился и умер внезапно в Таганроге. Его тело было доставлено секретно в столицу. В народе распространились слухи, что будто царь «пошёл в народ» и живёт под чужим именем в Сибири. Вместо него, якобы, в могиле лежит простой крестьянин Кузьмич. В настоящее время ходят также слухи, что в мавзолее Ленина лежит тело не вождя, а обыкновенного гражданина. Каждые несколько лет, когда мавзолей закрывают «на ремонт», туда кладут новое тело вместо загнившего. Голову изготавливают из воска по рецепту лондонского Музея восковых фигур мадам Тюссо».

Что любопытно: эта версия и ныне имеет в народе широчайшее распространение, и властям категорически не удаётся её дискредитировать, несмотря на неоднократные опровержения околоремлёвских ученых-мумификаторов.

С. 40. *...образ того, кто за десять дней потряс земной шар.* — Имеется в виду Владимир Ульянов-Ленин (1870-1924), основатель в 1917-18 гг. коммунистического тоталитарного государства под названием Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР); в 1922 г. на её базе был образован Союз Советских Социалистических Республик (СССР), просуществовавший 69 лет и распавшийся в 1991 г. на пятнадцать самостоятельных государств. Данная формулировка является аллюзией на название книги американского публициста-коммуниста Джона Рида (1887-1920)

«Десять дней, которые потрясли мир» (1919), написанной после первого посещения Ридом в 1917-1918 гг. только что возникшей Советской России и являвшейся неприкрытым панегириком вождя пролетарской революции. Ленин, ознакомившись с сочинением Рида, согласился написать предисловие к ее новому американскому изданию 1922 г., в котором «от всей души» рекомендовал это сочинение для прочтения «рабочим всех стран». Согласно официальной советской версии, Джон Рид умер в Москве в октябре 1920 г. от тифа, которым заболел, возвращаясь из поездки в Баку; согласно версии неофициальной — отравлен по приказу Ленина, опасавшегося, что Рид, начавший прозревать, напишет новую книгу, которая перечеркнет «Десять дней...» и разоблачит подлинную сущность вождя пролетарской революции.

С. 40. *...старомодные китайские плащи из крашеного брезента.* — Имеются в виду широко распространённые в СССР в 1950-х гг. плащи «Дружба» китайского производства. Плащи были тёмно-синего или тёмно-зелёного цвета и обладали удивительной особенностью — линять под дождём, окрашивая лужи.

С. 42. *...привезли академика Збарского.* — Илья Збарский (1913-2007) — советский учёный-биохимик, сын академика Бориса Збарского (1885-1954) и продолжатель дела главного советского мумификатора. После кончины отца был назначен ответственным за поддержание мумии Ленина в «демонстрационном» виде, чем и занимался на протяжении всей последующей жизни.

С. 42. *Генеральный секретарь плакал, как ребёнок, размазывая краску с бровей.* — Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев (1906-1982), советский правитель в 1964-1982 гг., отличался сентиментальностью, что контрастировало с его крупным телосложением и грубыми чертами лица, наиболее заметной частью которого были густо разросшиеся чёрные брови. Эта особенность внешности Брежнева была объектом постоянных шуток и анекдотов в среде антисоветски настроенного населения — от клятвенного заверения, что генсек красит свои брови краской «Титаник», изготавливаемой в Одессе на Малой Арнаутской улице, до присвоения Брежневу титула «Бровеносец в потёмках», пародировавшего название самого знаменитого фильма режиссёра Сергея Эйзенштейна (1898-1948) — «Броненосец «Потёмкин»» (1925).

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

С. 42. *Привезти актера Роберта Кривокорытова.* — СобираТЕЛЬНЫЙ образ, подразумевающий актёра Юрия Каюрова (р. 1927), официально назначенного исполнителем роли Ленина в советском кино 1960-1970-х гг. и поэта-песенника, члена КПСС Роберта Рождественского (1932-1994), автора упоминаемого в тексте «написанного от противного» стихотворения про то, кто кем (или чем) подкуплен (см. ниже).

С. 42. *Начальник искусств.* — Образ собираТЕЛЬНЫЙ. Министром культуры СССР в описываемый период (зима-весна 1970 года) была женщина — Екатерина Фурцева (1910-1974); министром культуры РСФСР — Николай Кузнецов (1922-1988), не имевший допуска на вершины партийной иерархии — в круг Политбюро ЦК КПСС.

С. 43. *Системе Станиславского...* — Теория сценического искусства, носящая имя её изобретателя — русского, а затем советского театрального режиссёра и педагога, одного из основателей МХАТа Константина Станиславского (Алексеева, 1863-1938). Согласно главному постулату Станиславского, «на сцене всё должно происходить как в жизни». Важнейшими принципами являются установка на правду переживаний (актёр должен по-настоящему переживать то, что происходит с его персонажем, эмоции должны быть максимально подлинными); продумывание предлагаемых обстоятельств, «вживание» в роль, понимание внутренней логики персонажа и мотивов его поступков.

С. 46. *...подкуплен одним небезызвестным учреждением.* — То есть «Лубянкой», как в просторечии было принято именовать в СССР (а ныне — в России) тайную политическую полицию, главная квартира которой располагается на Лубянской площади в центре Москвы (в описываемое время — площадь Дзержинского).

С. 46 *...отвечал стихотворением поэта, написанным по-новаторски — «от противного».* — Нижеследующие стихотворные строки являются иронической пародией на стихотворение Роберта Рождественского «Подкупленный» (1969), написанное, как явствует из его эпиграфа («Все советские писатели подкуплены...» — так пишут о нас на Западе»), в качестве очередного «нашего ответа Чемберлену». Стихотворение Рождественского начинается утверждением: «Я действительно подкуплен. / Я подкуплен. / Без остатка. / И во сне. / И

навяу...», а заканчивается опровержением ранее высказанного откровения: «Я подкуплен. / Я подкуплен с потрохами. / И поэтому купить меня / нельзя». Между этими тезисом и антитезисом советский поэт на трёх страницах приводит детальный перечень вещей, которыми он подкуплен («Я подкуплен / ноздреватым льдом кронштадтским / и акцентом / коменданта-латыша. / Я подкуплен / военками Гражданской / и свинцовой водою Сиваша...»), постепенно формулируя *general message* своего сочинения: «Я подкуплен зарождающимся словом, / не разменянным пока на пустяки...». Будучи далеко не бесталанным поэтом, Роберт Рождественский в начале своего творческого пути подавал большие надежды, чего ему не могли забыть подпольные антисоветские литераторы.

С. 46. ...*намекая на известный магазин*. — Имеется в виду сеть магазинов «Beryozka» («Берёзка»), действовавшая в крупнейших городах СССР (Москва, Ленинград, Киев) начиная с 1964 г. как преемница аналогичной системы магазинов Торгсин, существовавшей в 1930-е гг. «Beryozka» просуществовала до начала 1990-х гг.

С. 46. ...*лицо поклонника «Аппассионаты»*. — То есть Ленина. Согласно коммунистической мифологии, лидер большевиков очень любил классическую музыку, а самым любимым его произведением была Соната фа-минор № 23, оп. 57 Appassionata (1806) немецкого композитора Людвиг ван Бетховена (1770-1827).

С. 47. ...*голос Начальника безопасности*. — Контекст подразумевает главу тайной политической полиции — КГБ. Этот пост в те годы занимал Юрий Андропов (1914-1984). До середины 1950-х гг. малозаметный партийный аппаратчик, служивший по дипломатическому ведомству и в 1956 г., Андропов, будучи послом СССР в Венгрии, сыграл важнейшую роль в подавлении Венгерской антикоммунистической революции. В 1967-1982 гг. возглавлял КГБ; несёт персональную ответственность за осуществлявшиеся этим ведомством репрессивные меры по подавлению советского диссидентского и правозащитного движения, за изгнание из страны с лишением советского гражданства выдающихся деятелей культуры, включая лауреата Нобелевской премии по литературе Александра Солженицына в 1974 г. В ноябре 1982 г. стал преемником Леонида Брежнева на посту правителя СССР. Период его 15-месячного правления

вошёл в новейшую историю как время максимально жестокого противостояния тоталитарного советского государства со свободным миром; в 1983-84 гг. человеческая цивилизация находилась на грани третьей мировой войны.

С. 50. *Председатель Мао.* — Официальный титул Мао Цзэдуна (1893-1976), коммунистического диктатора Китая (1949-1976). Захватив власть в континентальном Китае в результате гражданской войны 1945-49 гг., Мао принялся строить китайский коммунизм, копируя сталинскую систему в СССР. После того как в 1961 г. Никита Хрущёв открыто перешёл на антисталинские позиции, Мао начал критиковать советских правителей, обвиняя их в «ревизионизме». В 1960-е гг. отношения между двумя крупнейшими коммунистическими странами в мире ухудшались — вплоть до серии вооружённых конфликтов на советско-китайской границе в конце 60-х.

С. 50. *К Ульбрихту* — Вальтер Ульбрихт (1893-1973), немецкий коммунист, правитель Восточной Германии (1950-1971). На фоне других глав так называемых «стран народной демократии» — сателлитов СССР в Восточной Европе — отличался максимальной выраженной преданностью Кремлю. В 1971 г. по настоянию Брежнева был смещён со всех постов и «по состоянию здоровья» отправлен на пенсию.

С. 51. *...конечно, стреляли. Только вроде бы не сюда...* — Намёк на странные и до сих пор не выясненные обстоятельства, связанные с покушением на Ленина на московском заводе Михельсона 30 августа 1918 г., когда, согласно официальной советской версии, глава Совнаркома РСФСР был ранен в руку отравленной пулей и только чудом остался жив. По этой версии, в Ленина стреляла террористка-анархистка Фанни Каплан, руководствовавшаяся чувством личной ненависти к вождю пролетарской революции; по приговору ВЧК Каплан была казнена, и дело закрыто. Однако некоторые современные историки — например, Юрий Фельштинский — высказывают мнение, что вся официальная версия является являющейся одной сплошной ложью, и выдвигают контрверсию: покушение на Ленина было организовано Феликсом Дзержинским по приказу самого Ленина, которому необходим был *casus belli* для развязывания в России тотального красного террора; стрелять должны были специально подобранные чекисты холостыми патронами. Дзержинский же, получив такое указание, рассказал о нём второму

человеку в большевистской иерархии — Якову Свердлову, и они оба решили воспользоваться этим уникальным поводом для ликвидации Ленина, чтобы захватить власть.

С. 52. *Он-то, афей, десяти праведников стоит!* — Поговорка-оксюморон, аналогичная присказке «за одного битого двух небитых дают». Афей — устаревшее обозначение атеиста. Слово происходит от лат. *ateos* — безбожник, и от греч. *атеи* — без Бога. Особенно парадоксально, применительно к ожесточенному богоненавистнику Ленину.

С. 53. *...неп будет полный.* — Неп (правильно: нэп) — просторечие, образовавшееся от аббревиатуры НЭП — Новая экономическая политика. НЭП был введён постановлением X съезда РКП(б) от 15 марта 1921 г. как вынужденная мера на фоне стремительно разрастающегося в России повстанческого движения против большевистской диктатуры (Кронштадтское восстание матросов Балтфлота, антоновское крестьянское восстание на Тамбовщине и др.). Вводя НЭП, большевики декларировали отказ от осуществлявшейся ими в течение предыдущих трёх лет политики «военного коммунизма», подразумевавшей тотальное ограбление подвластного им народа (продразвёрстка), и допускали частичное восстановление частной собственности в сельском хозяйстве, торговле и в сфере оказания услуг населению. За семь лет своего существования (1921-1928) НЭП позволил преодолеть тяжелейшие для экономики России последствия развязанной большевиками Гражданской войны. НЭП уничтожен Сталиным, в 1928 г. взявшим курс на промышленную милитаризацию СССР и тотальное уничтожение российского крестьянства как класса.

С. 53. *Чтоб ~ снова старые деньги были...* — Хрущёвская денежная реформа, осуществлённая 1 января 1961 года, ввела в обращение новые банкноты Госбанка СССР номиналом в 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей. Официальной целью деноминации в соотношении 10:1 (10 рублей образца 1947 г. стали равны 1 рублю образца 1961 г.) было упрощение взаиморасчётов в торговле и промышленности; в реальности реформа обернулась для населения повышением цен вследствие округления долей копеек в большую сторону. Считается, что денежная реформа 1961 г. запустила в СССР механизм скрытой инфляции, в результате чего к моменту краха советской денежной системы в начале 1990-х гг.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

номинал себестоимости рубль образца 1961 г. обесценился, — по различным оценкам, от 49 до 53 и более процентов.

С. 53. *...и чтоб поллитровка пять рублей стоила. Полтинник на новые.* — После денежной реформы 1961 г. на протяжении последующих 11 лет бутылка водки типа «Московская особая» ёмкостью 0,5 литра стоила 2 рубля 87 копеек. Таким образом, высказывая свои насущные пожелания объявившемуся в Голоколамске Ленину, народ требовал от него вещи совершенно фантастической: чтобы водка подешевела почти в 6 раз — с 2,87 до 0,5 рублей за бутылку.

С. 56. *Партраспределитель.* — Система магазинов, предназначенных только для членов правящей в СССР коммунистической партии, занимавших какие-либо ответственные посты и, в зависимости от своего статуса во властной иерархии, разделённых на различные категории по уровню предоставления привилегий. Во времена тотального продовольственного дефицита, начавшегося в СССР с разорением и уничтожением крестьянства в конце 1920-х годов и вплоть до самого его конца в 1991 году, партраспределители предоставляли прикреплённым к ним коммунистическим функционерам большой выбор продовольственных товаров, отсутствующих в свободной продаже: икру, ценные породы рыбы, колбасу твёрдого копчения, элитный алкоголь и т. п. по демпинговым ценам. Коммунисты, имевшие право пользоваться партраспределителями, вызывали острую зависть у коммунистов, такой возможности лишённых, и ненависть у простых советских людей.

С. 56. *Дзержинский.* — Феликс Дзержинский (1877-1926) — большевик, ближайший приспешник Ленина по организации Октябрьского переворота 1917 г. В декабре 1917 г. под его руководством началось создание советской тайной политической полиции — первоначально под названием Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем на транспорте (ВЧК). Стал первым главой этой организации и оставался им на протяжении всего периода Гражданской войны в России (1918-1922) и далее, когда в 1922 г. она была переименована в Главное политическое управление (ГПУ) РСФСР. Несёт персональную ответственность за гибель сотен тысяч граждан России, ставших жертвами развязанного большевиками под руководством Ленина «красного террора». По ряду свидетельств, на

протяжении длительного времени являлся наркоманом-кокаинистом. Внезапно умер 20 июля 1926 г. в Москве. Согласно официальной советской версии, смерть наступила в результате острой сердечной недостаточности в результате хронического переутомления на работе; согласно версии неофициальной — отравлен по приказу Сталина, стремившегося установить полный контроль над тайной полицией и сомневавшегося в лояльности Дзержинского.

С. 57. *Пятьдесят пять томов в одинаковых переплётах.* — Имеется в виду Полное Собрание сочинений Владимира Ульянова-Ленина в 55 томах (М.: Госполитиздат, 1958-1971). Это 6-е по счёту издание (тёмно-синие переплёты с рельефным изображением головы Ленина и золотым тиснением) до настоящего времени считается наиболее полным, хотя фактически таковым не является, поскольку не может претендовать ни на объективность, ни на академичность, ни тем более на полноту. Многие из включённых в него текстов были цензурированы, а множество других и вовсе не включены. Ныне известно о существовании более 3 000 различных документов, написанных или продиктованных Лениным, которые никогда не были обнародованы, поскольку их опубликование могло нанести образу «самого человеческого человека на Земле» непоправимый ущерб.

С. 58. *...четыре копейки киловатт.* — В описываемый период (рубеж 1960-1970-х годов) стоимость одного киловатта электроэнергии для населения СССР составляла 4 копейки, то есть была почти дармовой. При отсутствии явной инфляции и при среднемесячной зарплате советского инженера в 120-130 рублей расходы среднестатистической городской семьи из трех-четырех человек на оплату электричества не превышала 5-6 рублей в месяц. Однако в провинции, где люди жили в состоянии перманентной нищеты, они были вынуждены экономить на всём, считая каждую копейку.

С. 58. *...о дружбе своём Сашке, который живёт в Америке...* — Имеется в виду Александр Федорович Керенский (1881-1970) — российский политик и общественный деятель, в 1917 г. — министр юстиции и военный и морской министр, затем — глава (министр-председатель) Временного правительства 2-го формирования. Родился в Симбирске, где его отец Фёдор Керенский был директором мужской гимназии, которую в 1887 г. окончил с золотой медалью Владимир Ульянов —

будущий Ленин. Семьи Керенских и Ульяновых связывали тесные дружеские отношения, отец Александра всячески покровительствовал среднему сыну своего друга и сослуживца Ильи Ульянова, несмотря на то, что его старший сын был казнён по обвинению в подготовке покушения на императора Александра III Миротворца. В предвоенные годы Керенский работал адвокатом, был избран депутатом Государственной думы IV созыва. Стремительно выдвинулся в дни Февральской революции 1917 г. Безуспешно пытался противостоять большевистской экспансии, направленной на нелегитимный захват власти; после Октябрьского переворота бежал из Петрограда, а в 1918 г. и из России. Жил в Англии, во Франции, с 1940 г. — в США. В июне 1970 г., в возрасте 89 лет, покончил жизнь самоубийством, отказавшись от принятия пищи и лечения хронических заболеваний.

К моменту написания Н. Боковым и Б. Петровым «Смуты Новейшего времени...» Керенский оставался единственным из упомянутых в повести еще живущим историческим деятелем начального периода коммунистической эпохи.

С. 58. *Совсем как г'аф Толстой.* — Лев Николаевич Толстой (1828-1910) — знаменитый русский писатель, автор эпопеи «Война и мир». Под конец жизни в результате ожесточённого семейного конфликта с супругой Софьей ушёл из дома в Ясной Поляне под Тулой, намереваясь отправиться в странствование по России. Путешествие оказалось непродолжительным: следуя поездом из Козельска в Ростов-на-Дону, 82-летний писатель тяжело заболел, был вынужден сойти с поезда на станции Астапово, слёг и через неделю скончался.

С. 63. *...угольного комбината им. Павлика Морозова.* — Павел Морозов (1918-1932) — персонаж советской коммунистической мифологии, «пионер-герой». Житель уральской деревни Герасимовка Тавдинского района Екатеринбургской (в те годы — Свердловской) области. Получил всесоюзную известность после своей таинственной гибели в начале сентября 1932 г., когда в близлежащем к деревне лесу были обнаружены трупы малолетних братьев Морозовых — 13-летнего Павла и 8-летнего Фёдора со следами зверского убийства (оба были зарезаны или заколоты). Местные большевистские власти обвинили в их убийстве ближайших родственников — деда Сергея и двоюродного брата Данилу; оба были осуждены к расстрелу. Советская пропаганда максимально широко раскрутила дело об убийстве малолетних братьев Морозовых,

создав на основе этого преступления миф о юном герое-пионере Павлике Морозове (который никаким пионером не был), бесстрашно разоблачавшим врагов советской власти — прежде всего собственного отца Трофима, воровавшего народное добро, а также деда — «кулака-мироода», которые за это его якобы и убили. В начале 1980-х гг. полувековой миф был детально исследован советским писателем-диссидентом Юрием Дружниковым (Альперовичем; 1933-2008), пришедшим к выводу о том, что убийство братьев Морозовых было осуществлено местным сотрудником ОГПУ Спиридоном Карташовым при содействии агента-осведомителя Ивана Потупчика с целью сфабриковать громкое дело о контрреволюционном преступлении, с помощью которого можно было бы привлечь к себе внимание начальства и выслужиться по чекистской линии. (См.: Дружников Юрий. Вознесение Павлика Морозова. London: OPI Ltd, 1988.)

С. 64. *...иностраннне буквы «UdSSR».* — UdSSR — аббревиатура от нем. Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken — Союз Советских Социалистических Республик. Использовалась исключительно внутри СССР для маркировки товаров, предназначенных на экспорт — в восточноевропейские страны так называемого «социалистического лагеря», в первую очередь в Восточную Германию. В Западной Германии для обозначения Советского Союза использовалась аббревиатура SU — Sowjet Union, аналогичная принятой в англоязычных странах. Однако простые советские граждане в таких тонкостях не разбирались, поэтому с лёгкостью приняли экспортный вариант вертолётa за иностранный — то есть по определению шпионский.

С. 64. *...инструктор ДОСААФа* — Аббревиатура от: «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту». Советская массовая военизированная организация. Образована в августе 1951 г. посредством слияния трёх подобных организаций, закреплённых за перечисленными в её названии родами вооружённых сил. В сверхмилитаризованном сталинском СССР играла примерно ту же роль, что и Фольксштурм в последние месяцы существования гитлеровского Третьего Рейха. Постепенно переродилась в финансово-бюрократическое учреждение; прекратила существование одновременно с распадом Советского Союза. В конце 2009 г. в России было объявлено о возрождении этой организации под прежним названием (постановление Правительства РФ № 973 от 28. 11. 2009 г. за

подписью тогдашнего премьер-министра В. В. Путина). Однако никакой информации о её реальной деятельности с тех пор не поступало, что позволяет сделать предположение о том, что данное постановление осталось только на бумаге.

С. 64. *...полотнище переходящего Красного знамени.* — В условиях советской плановой экономики главными стимулами к повышению производительности труда являлись так называемые «почётные награды» — всевозможные грамоты, а также Красные знамёна, вручаемые коммунистическими властями коллективам «передовых» промышленных предприятий и организаций сферы обслуживания населения. Красные знамёна являлись переходящими — то есть в случае, если удостоенный такой чести трудовой коллектив переставал повышать свою производительность, знамя у него отбиралось и передавалось другому коллективу, чья производительность признавалась достойной такой высокой награды. О том, что можно просто позволить людям зарабатывать за свой труд деньги, на которые можно было бы нормально существовать, советские правители никогда не думали.

С. 65. *...надо ехать в Разлив.* — Сельское местечко на Карельском перешейке недалеко от станции Тарховка Приморской железной дороги, в котором летом 1917 г. в течение нескольких дней скрывались лидеры большевиков — Владимир Ульянов-Ленин и Григорий Зиновьев (Апфельбаум; 1883-1936, расстрелян), вынужденные бежать из Петрограда под угрозой ареста после провала первой попытки вооружённого переворота, предпринятого ими 3-4 (16-17) июля 1917 г. Согласно коммунистической мифологии, проживали они в травяном шалаше, устроенном в поле у озера Разлив, а питались провизией, которую привозила из города жена Ленина Надежда Крупская. В действительности Ленин и Зиновьев жили не в шалаше, а в сарае у рабочего Сестрорецкого оружейного завода Николая Емельянова, который и снабжал их всем необходимым. Примерно через две недели лидеры большевиков перебрались в Финляндию — в Гельсингфорс (Хельсинки), где обосновались на конспиративной квартире, ни в чём себе не отказывая и разрабатывая планы по нелегитимному захвату власти в России.

НИКОЛАЙ БОКОВ,
БОРИС ПЕТРОВ

Второе немецкое издание 1983 года

С. 65. *«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам...»* — Имеется в виду так называемая «Клятва Сталина над гробом Ленина». После смерти Ленина, последовавшей 21 января 1924 г., в Москве спешно был собран Второй Всесоюзный съезд Советов, на котором 26 января было проведено специальное траурное заседание. На нём выступил с прощальной речью секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин. Его речь была сконструирована таким образом, что каждый её абзац начинался фразой со словами: *«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам...»* — и заканчивался фразой-утверждением: *«Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!»*. В числе данных Сталиным клятв, помимо обещания «высоко хранить и держать в чистоте великое звание» члена большевистской партии и «хранить единство» самой этой партии «как зеницу ока», были и обещание «хранить и укреплять диктатуру пролетариата» и — что особенно любопытно в свете исторических исследований Виктора Суворова и его многочисленных последователей о причинах возникновения Второй мировой войны — обещание «укреплять и расширять союз советских республик». Сталинские тезисы вошли в коммунистическую мифологию под названием «Заветы Ильича» и на протяжении длительного времени были обязательны к заучиванию наизусть всеми советскими школьниками.

С. 68. *«Пионерская зорька»* — советская пропагандистская радиопередача, направленная на промывание мозгов подрастающего поколения — в первую очередь школьников подросткового возраста, состоящих во Всесоюзной пионерской организации имени Ленина. Выходила в эфир ежедневно по утрам бесперебойно на протяжении 66,6 лет — с 19 апреля 1925 г. по 30 декабря 1991 г., покрывая всю территорию СССР. Прекратила своё существование одновременно с распадом Советского Союза.

С. 70. *В примолкшей столице, подавленной грохотом шестидневной войны...* — Аллюзия, вызывающая ассоциацию со второй арабо-израильской войной, продолжавшейся в течение шести дней — с 5 по 10 июня 1967 г. 5 июня войска Армии Обороны Израиля нанесли превентивный удар по местам сосредоточения живой силы и боевой техники окружающих Израиль арабских государств — Египта, Сирии и Иордании, интенсивно готовившихся к нападению на Израиль. Вслед за этим сухопутная армия Израиля перешла в наступление, освободила

Восточный Иерусалим и захватила обширные спорные территории на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, а также сирийские Голанские высоты и египетский Синайский полуостров. Арабские войска были полностью разгромлены, потеряв почти всю авиацию и бронетехнику советского производства. В бессильной ярости правители Советского Союза объявили 10 июня 1967 г. о разрыве дипломатических отношений с Государством Израиль. Ответом Израиля стала инспирированная при финансовой поддержке США еврейская эмиграция из СССР, в ходе которой, из Советского Союза начиная с 1971 г. и в течение последующих двадцати лет выехали десятки тысяч людей.

С. 71. — *Товарищи! Братья и сёстры! К вам обращаюсь я, друзья мои!* — Почти дословное цитирование ставшего историческим обращения Иосифа Сталина к советскому народу по радио 3 июля 1941 г., на двенадцатый день с момента начала германо-советской войны 1941-1945 гг., в котором он провозгласил начавшуюся войну «Отечественной» и заявил: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

С. 71. «*Ленин в тебе и во мне*». — Имеется в виду широко известная в 1960-е гг. песня «Ленин всегда с тобой» (1955; музыка Серафима Туликова, текст Льва Ошанина), вследствие своей двусмысленности из-за неявно выраженного сексуального (прежде всего гомосексуального) подтекста ставшая в диссидентской среде объектом для многочисленных издевательских пародий.

С. 73. *Доктор Лунц*. — Даниил Лунц (1912-1977) — советский психиатр, доктор медицинских наук, один из основоположников и проводников системы карательной психиатрии в СССР. В 1960-1970-х гг. имя Лунца было связано с деятельностью Центрального научно-исследовательского института общей и судебной психиатрии имени Сербского в Москве, в котором на протяжении длительного времени он заведовал секретно-политическим отделением IV-Е, где осуществлялась проверка на вменяемость арестованных КГБ диссидентов и правозащитников. В случае признания невменяемыми такие люди формально освобождались от ответственности по ранее предъявленным им обвинениям и отправлялись на бессрочное принудительное «лечение» с психиатрические клиники тюремного типа. Там над заключёнными осуществлялись преступные эксперименты, направленные на изменение сознания с целью

принуждения к признанию себя психически больным и отказа от своих антисоветских убеждений. Преступная деятельность Лунца и его подручных (Морозов, Ландау, Печерникова, Тальце и др.) детально описана во множестве мемуаров диссидентов — Владимира Буковского, Петра Григоренко, Виктора Некипелова, Леонида Плюща, Александра Подрабиника и др.

С. 73. ...старую большевичку Пролежневу. — Прототипом является Дора Лазуркина (1884-1974) — коммунистка (член РСДРП с 1902). В 1917 г. входила в состав Петроградского комитета РСДРП(б), избиралась делегатом VI съезда большевистской партии. После Октябрьского переворота подвизалась в сфере коммунистического образования; последняя должность перед исключением из партии в 1936 г. — заведующая отделом школ Ленинградского горкома ВКП(б). В 1937 г. арестована как враг народа; 17 лет провела в ГУЛАГе и послелагерной ссылке в Сибири. В 1953 г. освобождена, в 1956 г. реабилитирована и отправлена на персональную пенсию. Получила всемирную известность после того как 31 октября 1961 г. «Правда» на первой странице опубликовала ее выступление на XXII съезде КПСС рядом с постановлением о выносе из мавзолея одной из двух хранящихся в нем мумий — Сталина. 75-летняя Лазуркина сообщила делегатам буквально следующее: «Товарищи! Во сне ко мне часто приходит Ильич и говорит: «Мне неприятно лежать в Мавзолее рядом со Сталиным, он совершил столько зла!». Ошарашенные делегаты не знали, что ещё в 1937 г., вследствие тяжелейшего психологического шока от своего ареста и ареста мужа, Лазуркина повредила в рассудке. Душевная болезнь выражалась у неё в утверждениях об осуществлявшихся ею телепатических сеансах связи с Лениным, который давал ей из загробного мира руководящие указания о правильном проведении в жизнь большевистской линии — в обход «извращений» и «перегибов», творимых Сталиным. Когда информация об этой особенности личности Лазуркиной распространилась в кулуарах съезда, делегаты осознали, что Никита Хрущёв просто использовал больную старуху в своих конъюнктурных целях. Однако дело было сделано — и с Мавзолея исчезло имя «Сталин».

С. 73. ...шикарный ротмистр — Малиновский, кажется... — Пролежнева путает двух однофамильцев с похожими именами — Романа

Малиновского и Родиона Малиновского, один из которых не был военным, а другой не был ротмистром.

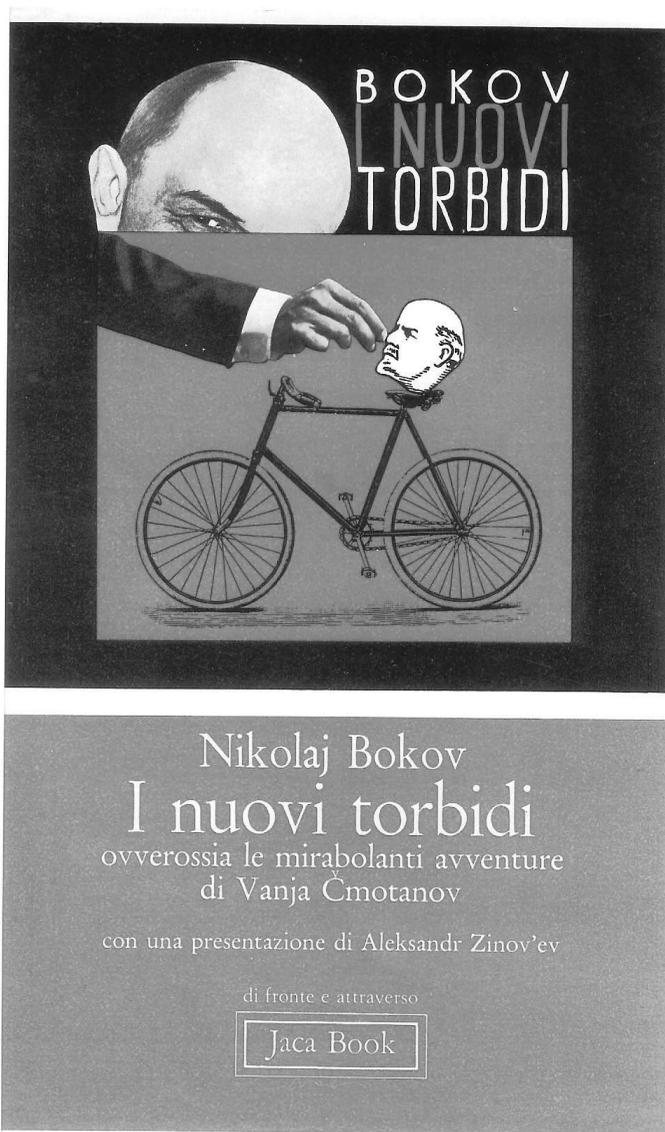
Роман Малиновский (1876-1918, расстрелян) — большевик, член РСДРП(б) с 1906 г., член ЦК РСДРП(б) с 1912 г. Лидер большевистской фракции в Государственной думе IV созыва, по совместительству — агент-provokator Охранного отделения Департамента полиции. В 1914 г., опасаясь разоблачения, оставил думский мандат и исчез из России.

Объявился в Германии, где после начала Первой Мировой войны был арестован и интернирован как российский подданный. В 1918 г. вернулся в большевистскую Россию, был арестован ВЧК, осуждён и казнён как «контрреволюционер-provokator».

Родион Малиновский (1898-1967) — советский военачальник, Маршал Советского Союза (1944), министр обороны СССР (1957-1967). После начала Первой Мировой войны 15-летним подростком пошёл добровольцем на фронт, был тяжело ранен. С 1916 г. в чине ефрейтора воевал с немцами во Франции в составе Русского экспедиционного корпуса, затем служил во французском Иностранном легионе. В Россию вернулся в 1919 г., записался в Красную армию и прослужил в ней всю оставшуюся жизнь. Несёт персональную ответственность за расстрел советскими войсками выступивших против коммунистического режима рабочих в Новочеркасске 2 июня 1962 г., когда только по официальным данным было убито 26 и ранено 87 человек.

С. 73. Я — Красин. — Леонид Красин (1870-1926) — инженер-марксист, член РСДРП в 1903-1909 гг. и РСДРП(б) с 1917 г. Убеждённый сторонник террористических методов борьбы с царским режимом. Заметно выделялся среди плохо образованных российских социал-демократов своим высоким интеллектуальным уровнем, отличался крайней беспринципностью в способах достижения поставленных целей. После Октябрьского переворота 1917 г. примкнул к большевикам. С ноября 1918 г. входил в правительство, где последовательно занимал посты наркома торговли и промышленности, наркома путей сообщения и наркома внешней торговли РСФСР (затем СССР). Был главным инициатором мумификации трупа Ленина и превращения его в сакральный символ большевистского режима. С 1924 г. член ЦК РКП(б). Вступил в конфликт с Зиновьевым, Каменевым и другими лидерами большевиков, в результате чего в ноябре 1925 г. был смещён с поста наркома и отправлен советским полпредом (послом) в Великобританию, где и умер.

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ,
или УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ВАНИ ЧМОТАНОВА

**Итальянское издание 1983.
Обложка Вагрича Бахчаняна**

С. 75. ...что бы там ни кричали разные «голоса» и их подпевалы. — Имеется в виду расхожее бытовое обозначение зарубежных радиостанций, после начала в 1946 г. «холодной войны» вещавших на русском и других языках народов Советского Союза для слушателей в СССР (Би-Би-Си, «Голос Америки», Радио «Свобода», «Немецкая волна», Ар-Си-Ай и др.) и передававших правдивую информацию о положении дел как по ту сторону «железного занавеса», так и внутри «Большой зоны».

«Подпевалами» на том же жаргоне именовались советские граждане, слушавшие их радиопередачи и использовавшие полученную таким способом информацию для критики коммунистического тоталитарного режима пересказом услышанного по «голосам» своим родственникам, знакомым, соседям, сослуживцам или просто случайным встречным.

С. 78. *Мы вас в ваш институт и запрём!* — Издевательский намёк на место службы Даниила Лунца — психиатрический Институт имени Сербского. Смысл намёка состоит в том, что и сам «признанный специалист» по душевному здоровью, с лёгкостью научившийся превращать заведомо психически здоровых людей в «вялотекущих шизофреников», не должен обольщаться относительно собственного здравомыслия, поскольку в Советском Союзе только только высшие коммунистические правители имеют право решать, кто из их подданных, и в какой степени, нормален, а кто — нет.

Это вздорное заблуждение, как считают многие из современных непредвзятых историков, сыграло одну из важнейших, а быть может, и роковую роль в судьбе мирового коммунистического лагеря, отдельными «бараками» которого на протяжении второй половины XX века управляли более чем странные персонажи. Ибо правитель, априори присваивающий себе подобные полномочия, становится обречён на то, что рано или поздно те, кого в психическом нездоровье подозревает он, предъявят подобное обвинение ему самому. Что и произошло, например, в 1989 году в Румынии и — вполне возможно — произойдёт в самом недалёком будущем где-нибудь ещё.

Павел Матвеев

СМУТА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

ИЛИ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
ВАНИ ЧМОТАНОВА.

Пиратское издание Flegon Press
(Лондон, 1970; переиздание 1973)

Samizdat: Troubles of Recent Times or The Amazing Adventures of Vanya Chmotanov

The publication in September–December 1969 of a new novel by the editor of the Soviet journal Oktyabr, Vsevolod Kochetov, Chego Zhe Ty Khochesh?—What Do You Want?—was greeted with horrified amusement by the Soviet liberal intelligentsia and Sovietologists abroad. The book reflected the Stalinist Weltanschauung in its most primitive form, and its author—a notorious hardliner—was now still more discredited. (See the article by Stuart Hood, 'Comrade Bulatov's Italian Journey', in the Winter–Spring 1970 issue of SURVEY, No. 74–5.)

One reaction to the novel's publication was the prompt appearance in samizdat of a series of satires. Many were no more than brief sketches, some of them scurrilous.

The present work differs in that its narrative and 'ideological' content bear no relation to Kochetov's novel. Indeed, a more improbable subject for his weighty pen would be hard to find. Hence the author's postscript attached to Troubles of Recent Times, in which the anonymous author claims to be a new, inspired Kochetov who has seen the light of liberalism and repudiates his previous run-of-the-mill work.

Troubles of Recent Times is rich in imaginative humour, picturesque provincialisms and punning. A great deal is inevitably lost in translation. It can be viewed as a bitterly satirical but nonetheless affectionate look at the Soviet mentality. It is also evidently the work of a well-informed and erudite person, and one with obvious experience of the less agreeable aspects of life under the Soviets.

What think you? How will this alarum end . . .
Heard you ere
Of corpses rising from the grave
To question tsars, the lawful tsars,
Appointed, elected by the general will? . . .
Alexander Pushkin, *Boris Godunov*.

THE suburban train was carrying an inconspicuous passenger with a small leather zip-case gripped firmly between his heels. It was Vanya Chmotanov. The very man who was the cause of the events that shook the whole of the civilised world in the year 197–.

**Страница британского журнала *Survey*
с предисловием к этой первой англоязычной публикации**

Другие книги Бокова

Издательство **Franc-Tireur USA:**
(совместно с Борисом Петровым)

Смута новейшего времени,
или удивительные похождения Вани Чмотанова, 2012
Текстотворения, 2010
Envie de miracle, 2009
Цельсий и Смерть, книга побегов, 2009
Фрагментарий, 2008
Où va la Russie, et la France avec elle? (...un puzzle), 2008

Издательство «Дятловы горы», Нижний Новгород:
том 1. Зона ответа, 2008 — **том 2.** На Восток от Парижа, 2008

Liquidation (dans »Hommage à Anna Politkovskaya», Buchet/Chastel, 2007)

Editions Noir sur Blanc:
Opération Betterave, 2010
La Zone de Réponse, 2003
La Conversion, 2002
Déjeuner au bord de la Baltique, 1999
Dans la rue, à Paris 1998

Der Fremdling, roman. Zürich 1983

La Tête de Lénine. Paris 1982

«Бестселлер» и другое/проза. «Ковчег», 1978

Nobody. London, 1975

Город Солнца (под псевд.) «Грани», Франкфурт-на-М., 1971

Смех после полуночи (под псевд.) «Грани», 1972

Смута новейшего новейшего времени,
или Удивительные похождения Вани Чмотанова
(совместно с Борисом Петровым)
«Русская Мысль», Париж, 1970 (анонимно)

Произведения Бокова появлялись в журналах

*Грани, Survey, New Writings & Writers, Новый Журнал,
Литературный Европеец, Мосты, Нева, Крещатик, Зеркало, Дети Ра...*

А также в альманахе Paris, пари! **Franc-Tireur USA**, 2010

Он ведет свой интернетский журнал: <http://porusskitut.blogspot.com>

Другие авторы издательства

АБРАМОВ, АМУРСКИЙ, БАВИЛЬСКИЙ, БАЛЛА, БАТШЕВ,
БЕЛКА БРАУН, БОВ (БОБОВНИКОФФ), **БОКОВ**, ВОЛЫНСКИЙ,
ВСЕВОЛОДОВ, ВОИНОВ, ГАЛЬЕГО, ГАНОПОЛЬСКАЯ, ГЕОРГИЕВСКАЯ,
ГУДАВА, ДАНИЛОВ, ДОБРОДЕЕВ, ДРАГОМОЩЕНКО, ЗАГРЕБА,
ИВАНЧЕНКО, ИОХВИДОВИЧ, ИЛИЧЕВСКИЙ, КОВАЛЕВА, КОНДРОТАС,
КОРТИ, КРЕЙН, КУЗЬМЕНКОВ, КУРЧАТКИН, ЛЕМБЕРСКИЙ,
МАРТЫНОВ, МЕКЛИНА, МИЛЬШТЕЙН, МУСАЯН, НАЗАРОВ,
ОГАРКОВА, ОГЛОБЛИНА, **ПЕТРОВ**, ПЫРЕГОВ, РАЗУМОВСКИЙ,
РОДИОНОВ, РЫБАКОВ, САНДЛЕР, СЕЛИН, СЛЕПУХИН,
ТЕРНОВСКИЙ, УСЫСКИН, ФОХТ, ЧАНЦЕВ, ШЕСТКОВ,
ЭПШТЕЙН, ЭРБАР, ЮРЬЕВ, ЮРЬЕНЕН...

Адреса книжной витрины:

<http://tinyurl.com/bmouxl>
<http://tinyurl.com/c8a6eq>
<http://www.lulu.com/spotlight/FrancTireurUSA>

Адрес издательства:

franctireurusa@gmail.com

Книги издательства в Париже

Les Editeurs Réunis

11 rue de la Montagne Sainte Geneviève Arr. 5°
M^o Maubert-Mutualité
tél. 014354 7446

Издательский совет

Дмитрий Бавильский (Россия)

Николай Боков (Франция)

Александр Кабаков (Россия)

Марина Ками (США)

Марио Корти (Италия)

Элен Менегальдо (Франция)

Андрей Назаров (Дания)

Михаил Эпштейн (США)

Сергей Юрьенен (США)

Franc-Tireur
USA

